
НИГЯР
РАФИБЕЙЛИ
РАДОСТЬ
ВСТРЕЧИ

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Не дари мне в день рожденья
ни алмазов, ни жемчужин,
не дари мне изумруды,
не дари мне янтари.
Горизонт, омытый утром,
птичьим голосом разбужен,
горы в дымке лучезарной
подари мне, подари!

Подари мне ту долину,
где встречаются газели,
тот родник, который дремлет,
розовея от зари.
Горизонт, омытый утром,
драгоценней ожерелий.
Утро, пахнущее солнцем,
подари мне, подари!

ДОРОГА

Асфальтовая, новая дорога
От маленького нашего села,
От старого отцовского порога
До города,
Как лента, пролегла.
Она засеребрилась, заблистала,
Затеплилась под солнцем и луной
Живым потоком жидкого металла,
Искристою прохладной пеленой.
А старую разбитую дорогу
Не закрывал никто и никогда.
О ней забыли люди понемногу,
Никто и не сворачивал туда.
Там сорняки росли неудержимо...
Чертополохи...
Горькая судьба!
Дорога в стороне...
Все мимо, мимо...
Лишь изредка скрипит по ней арба...
А человек невольно сторонится
Дороги мрачной
И спешит туда,
Где движутся машины вереницей,
Везут плоды колхозного труда;
Где в праздники
Зарею кумачовой
Знамена...
Любо-дорого взглянуть!

Асфальтовый,
Сияющий и новый
До города проложен нами путь.
Мы старого оплакивать не будем, —
Его года из памяти сотрут.
Пусть новый путь
Послужит новым людям,
Которые в грядущий день идут.

РАБОЧИЙ СТОЛ

Мой стол напоминает холодную аллею.
Сухие листья осени
кружатся над нею.
Вот я коснулась ветки,
принесенной весной,
и уронила ветка
листок последний свой.
Упал он тихо-тихо на мой рабочий стол...
Когда сгустились сумерки и вечер подошел
и тихо стало в комнате,
к столу я подошла,
не лампу,
не светильник,
а сердце я зажгла.
Огонь живого сердца все осветил вокруг,
мир, ярко освещенный, я увидала вдруг.
Мир, ярко освещенный, не уходи во тьму!
Как будто бы к любимому,
прижалась я к нему.
Я протянула руки,
легла к нему на грудь...
Как мы давно в разлуке!
Какой далекий путь!
Любимый мой!
Желанный мой!
Мы рядом, мы вдвоем...
Взволнованно и трепетно
склоняюсь над столом.

**Как человек, уставший, от родины вдали,
касается, вернувшись, отеческой земли,
склоняясь перед нею,
желает ей цвести,
так я иду, работа, по твоему пути.
Надежда, сила, радость!
Иду я напролом!
Как с другом долгожданным,
встречаюсь со столом.**

ТУЧА-КАРАВАН

Ах, туча, туча, туча-караван,
Грохочешь по-пустому отчего ты?
Как будто бьет ребенок в барабан
Для собственной забавы и заботы.

Ах туча, туча, перестань дурить,
Ты лучше бы на землю поглядела.
Земля горит, посевы просят пить,
А ты гуляешь и гремишь без дела.

Пустыни задыхаются в огне,
Изнемогают нивы в жажде жгучей...
Эй, туча, помоги родной стране!
Живым дождем пролейся наземь, туча!

Пусть встрепенутся рощи и сады,
Пусть смоет ливень пыльную истому.
Работай, туча, не жалей воды,
И не греми, как бочка, по-пустому.

Кому он нужен, этот праздный гром,
Какая польза от пустого шума,
Когда забота на сердце моем,
Когда меня переполняет дума?

Я смело говорю о них в стихах,
От всей души, народу и Отчизне.
Высоким чувством сделав боль и страх,
Я побеждаю их любовью к жизни.

В моей душе вовек не свить гнезда
Страстям бесплодным, недостойным людям...
Раз гром гремит,
Пусть зашумит вода!
Работай, туча!
Мы друзьями будем.

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ЧЕЛОВЕК!

Почему ты пришла ко мне?
Кто послал тебя в этот путь?
Мой ребенок горит в огне.
Мне нельзя ни на миг уснуть.
Как мне страшно в глухую ночь
В одиноком доме моем.
Ты сказала мне: «Я — помочь...
Нам ведь легче будет вдвоем!..»
Ты не мать мне и не сестра:
Ты не врач,
        но ты помогла.
Просто ты душою добра.
По-другому ты не могла.
Дверь открылась перед тобой.
Исцелился ребенок мой.
Не забуду тебя вовек...
Я люблю тебя, человек!

У платформы на пять минут
Встал наш поезд в весенний день.
Солнце светит, сады цветут,
И пылает кругом сирень.
От сирени сойдешь с ума!
Утонула деревня в ней.
На зеленом лугу дома,
Словно стая белых гусей.
И куда ни глянешь — сирень,
И сирень, куда ни пойдешь.
Из сиреневых деревень
Вышла к поезду молодежь.

Я с улыбкой гляжу из окна,
И улыбке моей в ответ
Подает девчушка одна
Необъятный лиловый букет.
Я кричу ей:
—Спасибо, дружок!
А она мне:
— Счастливый путь!
Веет ласковый ветерок,
Поезд вздрагивает чуть-чуть —
И пошел...
А девчушка вслед,
Как родная, машет платком.
И чудесный ее привет
Наполняет меня теплом.
Мы знакомы короткий миг,
Но ее не забыть мне вовек,
Ты безмерно добр и велик,
Я люблю тебя, человек!

Горе-критики скажут так:
— Кто же этот абстрактный герой?
Человек этот — мой земляк,
Брат мой,
друг мой,
товарищ мой.
Воду чистую, хлеб и соль
Я с рождения с ним делю.
Я делю с ним радость и боль.
То, что любит он, я люблю.
Он смеется смехом моим,
Он горюет горем моим,
Он стирает мне слезы с век.
И твержу и любуюсь им:
— Я люблю тебя, человек!

АФРОДИТА

Говорят, что женской красоте
Жить недолгий срок на белом свете...
А ваятель тот, а руки те
Разве не живут тысячелетья?

Афродита, бури обошли тебя,
Камни грубых скал не погребли тебя.
Мировые битвы не сожгли тебя,
Дева, ты жива тысячелетья!

От природы каждый человек
Получает жизни дар мгновенный.
Но бывает, что продлит навек
Эту жизнь художник дерзновенный.

Стой, красавица, вовеки стой
На незыблемой скале искусства!
Мы склонились перед красотой, —
Существует на земле искусство.

МОНАХИНЯ

Лицо ее желтым-желто.
Сама синим-синя.
Черным-черны сожженные ручонки.
Пред божьей матерью колени преклоня,
Лопочет,
Будто бы перебирает четки.
Глаза возводит к небу, как слепец,
Вся в черном,
Вся иссохшая, чуть дышит
И мелко крестится, и гнется...
Лишь чепец
Крахмальными воскрыльями колышет.

Чего ты хочешь?
Слышит ли тебя
Твоя Мадонна?
Передаст ли сыну,
Как ты увяла.
Молодость губя,
Как погрязала
В черную трясину?

Пречистая была иной,
Она от мира не бежала,
Она от радости земной
Не пряталась и не дрожала.
Недаром шла она в веках,
Как образ женственности вечной,

С младенцем кротким на руках,
С улыбкой нежной и сердечной.
Она и женщина, и мать,
И все на свете испытала...
Как ты могла себя сломать,
Как ты поникла, как устала!
Встань! Пробудись! Смахни слезу,
Стряхни дремотный сумрак схимы,
Взгляни на солнце, на грозу
Глазами ясными, сухими.
Пусть итальянский жгучий зной
Твоей души коснется скудной,
Изнеможенье плоти смой
В волне соленой изумрудной.
Вдохни благоуханье роз,
Учись у певчих птиц их песне,
Вся сразу — до корней волос —
Осмелься, глупая, воскресни!
Будь как костер, гори, спеши,
И не печалься, что сгораешь!
Не осквернишь своей души,
И совести не замараешь!
Зачем, как жухлая листва,
Осыпаться под стужей лютой?
Тебе самой мои слова,
Монашка, по сердцу как будто?

СТАРАЯ ДЕВА

Никого не любила, ничем не согрелась.
Ни на чью улыбку не засмотрелась.
За всю долгую жизнь не пришлось постичь ей
Ни дыханья роз, ни песенки птичьей.
Для нее ручьи весной не журчали,
И лучи рассвета ее не встречали.
И когда наконец наступила старость,
Только жадность у старой девы осталась,
У голландской дамы той сухопарой,
Стала старая дева — ведьмою старой.
Прибирала к рукам, собирала вещи,
Не насытился взгляд колючий, зловещий
Хрусталем и бронзой и жемчугами.
Все хватала старуха в житейском гаме...
Что ей Индия? Что Индонезия? Рынки...
И свозила она домой по старинке
Сундуки с добром и ковров рулоны
Из своих заокеанских колоний.
На проценты с процентов жила жадюга,
И сверкали и отражали друг друга
В мрачных комнатах зеркала и картины.
Но сочилась вода сквозь щели плотины.
Уходила жизнь незримо и глухо,
И лежала на смертном одре старуха.
Для нее, для восьмидесятилетней,
Уже пробил час роковой, последний.
И вокруг нее беспокойно и грозно
Взбунтовались вещи, хрусталь и бронза.

Все, что гнило в шкафах, подпирало полки,
Подиялось и плен позабыло долгнй.
Даже платья, что, мирио пылясь, висели,
Заплясалн пред ией в лихом весельи.
Охватила хозяйку дрожь: — иеспроста ведь
Поспешили вещи ее оставить!
Так за то, что жила эта ведьма злая,
Ни любвн, ии жалости к людям ие зиая,
И ни с кем ие делила хлеба и соли,
Над почившей иикто слезинки не пролил,
Говорят, мелькиуло в мозгу ее старом:
— Всю-то жизнь свою прожила я даром.
По-другому было бы, честиое слово,
Если б мие подарили молодость сиова.

СОБАЧЬЯ ТОСКА

Машина блещет перламутром,
Вся перламутровая, фру
Ведет машину ранним утром
И в новый день и ввечеру.

Внутри, на бархатном сиденье,
Один лишь пудель-пассажир
В тоскливом, жалком возбужденье
Глядит в окно на ясный мир.

Хозяйка, дама пожилая,
Отринув прочие дела,
С людьми общенья не желая,
Занятье по сердцу нашла.

А пудель — пес! Ему не нужны
Ни радио, ни рев гудка,
Ни быстрый гон, ни блеск жемчужный,
В его глазах давно тоска.

Ему бы на поле резвиться,
Вилять хвостом и кости грызть.
На двор к собратьям заявиться
И лаять — вся его корысть!

Да, лаять — громко и без страха
Иль под луной скулить во тьму.
А этот бархат, этот сахар —
На черта ли они ему!

А фру беднягу пледом греет,
От кашля что ли бережет,
То наголо, как куклу, бреет,
То шерсть курчавую стрижет.

То донимает пса массажем,
Чтобы стройней казался он,
То налагает с видом важным
Полуголодный рацион.

Ей очень скучно! Ей не дорог
Никто из ближних, из людей.
Но люб и мил без оговорок
Один лишь бедный пудель ей.

Что делать, фру!
Вас скука гложет.
Но смилосердуйтесь слегка!
Ваш бедный пудель сдохнуть может,
Такая у него тоска!

НА БОСФОРЕ

Над Стамбулом густой туман повис.
Ты в мольбе, турчанка, склонилась ниц,
Простираешь худые руки свои,
Поверяешь Аллаху муки свои.
Чтоб сберег он первенца твоего,
Чтоб беду и горе отвел от него.

Хочешь, выйдем из мечети с тобой,
Полюбуемся на Босфор голубой,
На чертоги Перы, на тихий залив, —
Как прохладен вечер, как он тосклив!
Погляди, турчанка, — там дым кораблей.
Отвори мне сердце, печаль излей!
Я ведь тоже мать и сейчас, как ты,
Вспоминаю милого сына черты.
Твой сынок рабочий, простой бедняк,
Его руки в мозолях, он тощ и наг.
Вековая нужда трясет тебя.
Отчего же Аллах не спасет тебя?

Погляди, на Босфоре два корабля.
И за каждым — свой мир и своя земля.
На борту одного три сотни друзей.
Они счастья хотят для вселенной всей,
Это люди простые, как я и ты.
Они вестники мира и доброты.

Ярко-красный флаг на том корабле
Обещает свободу всем живым на земле.

Это знамя Ленина, знамя добра,
Наше вольное знамя, турчанка-сестра!

На другом корабле самолеты, рыча,
Тесно жмутся друг к другу, как саранча.
Для чего они прибыли, знаешь ли ты?
Чьей желают гибели, знаешь ли ты?
Чтоб лачугу твою с воздуха бомбить,
Чтобы сына твоего до смерти избить.

Не мирись, турчанка, борись, не молчи,
Разожги, как факел, свое сердце в ночи!
Чтобы кровь сыновей не лилась во мгле,
Не сгибало горе матерей к земле!
Одинаковые чувства волнуют нас,
Беспощадные войны да минуют нас!
Не имеет права молчать и дремать
Ни одна из женщин, ни жена, ни мать.
Поднимайтесь же, матери, в защиту сыновей,
Расскажите людям о правде своей!

ЦВЕТЫ В ГОЛЛАНДИИ

Здесь что ни день с аэродрома
Отчаливает самолет,
Он выше птиц, чуть ниже грома
Сверкает утренний полет.

В слепящем блеске, в синем дыме
Парит он над материком.
Но с пассажирами простыми
Он совершенно не знаком.

На нем не видна грузной клади,
Нет безделушек, нет чудес.
Он совершает рейсы ради
Цветов, выращиваемых здесь.

Цветы сверкают по старинке,
Нарядны, радужно ярки.
На мировом богатом рынке
Их раскупают знатоки.

Им вреден климат чужестранный,
И часто в первую же ночь
Цветы сникают, сохнут рано
И их выбрасывают прочь.

И вот старик-садовник замер:
Всю жизнь он холил красоту,
И провожает он слезами
Своих любимых в высоту.

И мне, сказать по чести, больно
Красавиц этих вспоминать:
Они летят не добровольно
И ужас чувствуют, как знать!

Что им мерещится, что снится,
Что вспоминается цветам,
Летящим нынче за границу
И обреченным сгинуть там?

ВЕСНА ИДЕТ!

Бережно сделал садовник
прививку дичку молодому.
Мать годовалого сына
утром выводит из дому.
Деревце тянется к солнцу,
пьет драгоценную влагу.
Мать обучает ребенка
первому слову и шагу.
Мастер-нефтяник, всю зиму
трудом отражающий бури,
Рад голубеющей дали,
яркой весенней лазури.
Ищет поэт в своем сердце
слово стихам полновесным,
Новая строчка родится
свежим побегом чудесным.
Ласточки звонкою стаей
в чистое небо взмывают.
Платья девчат-хлопкоробок
снова в полях зацветают.
Пенье земли уловил
и спешит записать композитор.
Сокол взлетел молодой, —
как высоко и смело парит он!
С обледенелой горы,
солнцем согретый влюбленным,
Заторопился родник

по зеленеющнм склонам.
С вечиою жаждою жить
пробуждаются степн и горы.
Яркие звезды горят,
озаряя ночные просторы.
Пареиь по улице бродит,
любнмую встретить мечтает.
В сердце у парня любовь
в первый раз лепестки раскрывает.
Мать уже час или два
на пустом ожидает перроне.
Сын на каникулы едет! —
цветы в материиской ладони!
Думает: «Вот бы ты, поезд,
свое обогнал расписанье!»
Ах, материнское сердце —
детское это желаиье!
Сердце, источник мечты,
ты питаешься жизиью кипучей.
В мире настала весна,
будет сердце богаче и лучше.
Добрые чувства цветут
и все силы приводят в движенье.
Здравствуй, наш праздник, весна —
драгоценное время цветенья!

ЛЮБИМЫЙ ПРОСИТ СВИДАНИЯ

**Любимый просит меня о встрече...
Он руки положит мне на плечи,
Свою не тая истому...
Но в сердце моем
в этот лунный вечер
Живая тоска по другому.
Давно уже,
долгие дни и ночи,
Свое соблюдая слово,
Мечтаю влюбленно,
тоска меня точит,
И трепетно жду я другого.
Он верности требует.
Все ему мало.
Он хочет любви без предела.
Я жду.
И волос для него не убрала,
И в зеркало не поглядела.
Уже я, наверно, усталая, злая
От долгих часов ожиданья.
Спросите,
кого же я жду,
замирая,
И кто не идет на свиданье,
Я жду его,
глаз не смыкая ночами.
Меня ожидание губит.**

Напрасно...
Не любит он женской печали,
Неприбранных женщин не любит.

Но солнце восходит,
тепло излучая,
Приветствуя город веселый.
Проснулись,
счастливое утро встречая,
Заводы
и пашни
и школы.
И с жизнью,
с ее молодым ароматом,
С весною,
любовью,
трудами,
С дыханьем полей,
с урожаем богатым,
С искрящимися городами,
Со строчкой стиха и с главою романа,
В кипучем и вечном движенье,
Приходит ко мне,
мой любимый,
мой жданный,
Взыскательный друг — Вдохновенье!

БРАТЬЯ МОИ, ПОЭТЫ

Вы и слабы, вы и сильны,
Непостоянны и верны,
В жизнь бесконечно влюблены,
Братья мои, поэты.

Без вас меджлисов громких нет,
Ваш стих красой земли согрет,
Моей земли весенний цвет,
Братья мои, поэты.

Стихи—стихия, гордость, честь,
Свободы пламенная весть.
Не превозносят зло и лесть
Братья мои, поэты.

И песня далеко плывет,
Встречая солнечный восход.
Вы воспеваете народ,
Братья мои, поэты.

Вы—вековая боль земли,
Вы—факел, что в ночи зажгли,
В далекой пашне дали,
Братья мои, поэты.

Сгореть, рассеивая мрак,
Народу дать свободы знак—
История нас учит так,
Братья мои, поэты.

В кромешной тьме, в ненастный час,
С живых, сдирали кожу с вас,
Сгноить хотели сотни раз,
Братья мои, поэты.

Но не клонили головы
Перед судом бесчестным вы,
Высокой правотой правы
Братья мои, поэты.

Вы—голос правды и добра,
Дыханье времени... Пора
О вас сказать мне, мастера,
Братья мои, поэты.

БУКЕТ

На стол мне поставили
Свежий букет,
И комната стала
Похожей на сад.
Плескался в бутонах
Весенний рассвет.
Струился
Задумчивых рощ аромат...

Ах, как они были
Тонки и свежи,
И капли воды на листках—
Как роса.
Мне вдруг показалось:
Я слышу в тиши—
Светло и прозрачно
Звучат голоса.

Нарцисс говорил:
— Кто сравнится со мной?
В лесу,
Где осенний доверчивый сон,
И в летнюю сушь,
И суровой зимой
Чуть слышен
Моих колокольчиков звон.

Сказала сирень:
— Я красивей, чем ты.

Когда расцветаю —
Весна настает,
И в щебете птичьем
Ликуют сады,
И мой аромат
Над округой плывет...

— Ну, что ж, аромат?—
Перебил ее мак.
—Вот пламенем ярким
Предгорья горят.
Ты выйди весной
На цветущий яйлаг,
Где маков огни
В разнотравье парят!
Фиалка вздохнула
(Молчала досель):
—Долины, равнины—
Мой кров и приют.
О ком еще
Сложат поэты газель,
О ком еще песню
Ашуги споют?

Но смолкли внезапно
Цветов голоса:
Проснулся ребенок
В кроватке своей,
Цветам улыбнулся,
Прищурив глаза,
И стало от этой улыбки светлей.

Не зря они смолкли,
Цветы в хрустале,

И счастьем
Моя всколыхнулась душа:
Прекрасней соцветия
Нет на земле,
Чем эта улыбка
В глазах малыша.

* *
*

Когда он родился—
Мой первый внучок,
Шалун, непоседа,
Разбойник, сверчок,—
Дом полон был
Смеха и света.
Он радость мою
Пробудил, оживил,
Любила я внука.
Считала: любви
Не может быть большей,
Чем эта.

И в свете
Погожего ясного дня
Явилася внучка
На свет у меня.
И были глаза ее сини,
И щеки —
Белее, чем горы в снегу.
И в мире —
Я точно сказать вам могу—
Не знали девчушки красивей.

И я полюбила
Двоих навсегда—
Похожих и разных,

Огонь и вода,
И было тревожно и сладко
Мне с ними—
Как с прежней,
Самою собой.
И я улыбалась улыбке любой,
И все мне казалось,
Что эта любовь
Взяла меня всю—
Без остатка.

Сплеталася дней
Быстротечная вязь,
И внучка вторая
На свет родилась:
И не было взора лукавей,
И локонов пух,
И ладоней тепло—
Все это в крови моей
Будто текло,
И вдруг обернулося явью.

И третью внучку
Держу на руках,
Чьи брови темны,
Как ночная река.
И трепетно мне,
И привычно,
Что новая жизнь
Полонила мой дом
И вновь поселилася
В сердце моем,
И я поняла—
Беспредельна любовь,
Узнала—душа безгранична...

Растут мои внучки,
Мой внук дорогой...
От первых улыбок,
От первых шагов—
Дорога далекая к полдню...
И радостно мне
И привольно дышать—
Как будто просторнее
Стала душа,
До края любовью наполнясь.

Ты столько, любовь,
Уместила в груди—
Людей, листопады,
Ночные дожди,
И звезд
Золотые гнездовья,
И песни,
И капли тяжелой росы,
И в светлой тиши
Вдохновенья часы...
И все это стало
Любовью.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Перламутровых звезд капель,
Месяц в утро тихо плывет,
И качается колыбель,
И усталая мать поет.
И, дыхание затая,
Я услышу в тиши ночной:
«Спи малыш, кровинка моя,
Ладный мой,
Ненаглядный мой».

Загадаю судьбу твою,
Загадаю далекий путь.
Ты запомни песню мою.
Ты слова мои не забудь.
Как серебряная струя,
В полуденный памяти зной:
«Спи, малыш, кровинка моя,
Ладный мой,
Ненаглядный мой».

Кем ты станешь, сынок, потом?
Землепашец или поэт,
Перестроишь ли отчий дом,
Долетишь до дальних планет?
Обойдешь иные края
Сквозь туманы, грозы и зной...
«Спи, малыш, кровинка моя,
Ладный мой,
Ненаглядный мой».

Но куда бы ни мчали дни,
На любом твоем рубеже—
Головы в беде не клони,
И по совести, по душе
Ты живи, себя не тая,
К людям ласковый и прямой.
«Спи, малыш, кровинка моя,
Ладный мой,
Ненаглядный мой».

Звезды-капли катятся с крыш,
Все светлей и светлей восток.
Улыбнулся во сне малыш —
Будто вдруг раскрылся цветок.
Широка дорога твоя,
Счастлив будет твой путь земной.
«Спи, малыш, кровинка моя,
Ладный мой,
Ненаглядный мой».

МУСА

Глаза я закрываю, не дыша,
когда я о Джалиле вспоминаю,
И тихой грустью полнится душа,
когда я о Джалиле вспоминаю.
Не молкнет в сердце
дней далеких боль
И словно бы на раны
сыплют соль,
Когда я о Джалиле вспоминаю.
Он с виду был
спокоен, тих и строг,
Но бушевал огонь
в сплетеньях строк,
В стихах он был
всевластен, словно бог,—
Я о таком Джалиле вспоминаю.
И рядом с ним
любовь его была,
Шла Амина,
прекрасна и смела.
Одна война
их разлучить смогла,
Но все же я их вместе вспоминаю...
О, пламя беспощадных,
давних лет!
Солдатскую шинель
надел поэт.

Ушел на фронт,
        и долго вести нет...

Поэт и человек—
        он петь хотел,
Но кто же знал,
        что ждет иной удел,
Когда война
        накатится лавиной,
Что тот, кто был
        обычным гражданином,
Перешагнет
        бессмертия предел.
Что мужество его и прямота,
Как символы, пройдут через года
И имя,
        словно факел величавый,
Зажжется на века,
        а старый дом,
Где жил он—
        всем известен и знаком,—
Легендой станут,
        станут вечной славой...

* *
*

Я помню давний год,
Москву весной.
Еще далек
июльский душный зной,
И радует
весенняя тревога.
И мы так беззаботны
и вольны,
И головы поэзией полны,—
Под дерево,
как стая журавлей,
Спустились мы
передохнуть немного.
И так прозрачна
неба синева,
И так свежа
зеленая листва,
И так вольны и беззаботны
все мы!
И головы поэзией полны,—
Но впереди еще
года, поэмы...
Пока —
учеба, юность, красота...
Ведет тропа,
Кремниста и крута,
Но кажется,

Чго бескоиечиы силы,
И бесконечной
кажется река.
Пока ии одиого еще цветка
Не брошено
На близкие могилы,
И мы смеемся
в этот юиый год,
Не ведая,
что впереди иас ждег.
Ах, как беспечна
та весиа была,
Как быстротечна
та весиа была...
И мы костер
сложили у реки,
Висел тумаи,
как будто покрывало.
Зелеиые взвивались языки
Огия,
А иас — лишь дружба согревала.
Не меркнет в сердце
тот далекий год,
И в памяти моей
Муса живет.
О, если б было в силах человека
Предупредить трагедии исход...

* *
*

Фашистских застенков
холодные стены сырые...
В решетчатых окнах
тоскливые меркнут рассветы.
Здесь камни стонали,
здесь заживо гнили живые.
Ты было их болью,
Бессонное сердце поэта.

И как солнца немеркнущего лучи
из-за проклятых стен моабитских,
Вырывались строчек лучи,
Достигали далеких и близких,
Расцветали стихи,
Как гвоздики алые,
Как цветы кровавые, небывалые
В моабитской ночи.

И повсюду его узнавала я:
в плеске алых знамен горделивых,
в детских лицах счастливых
он живет, Муса.
В нашей памяти и любови,
В каждом доме и в каждом слове
он живет, Муса.

* *
*

Глаза я закрываю, ие дыша,
        когда Мусу Джалиля вспомииаю.
И гордостью полиа моя душа,
        когда Мусу Джалиля вспоминаю.

О ЮНОСТИ Я СОЛНЫШКО МОЛИЛА

О юности
Я солнышко молила,
У моря
Я просила широты,
У леса
Я покоя попросила,
У ветерка —
Дыханья теплоты.

У птиц я
Крылья с трепетом просила
И у цветов — весенний аромат,
У листьев—тени,
У зари — росинок,
А у костра—неугасимый взгляд.

Чтоб мне гора величье уделила,
Чтобы любовь меня не обошла...
Все, что просила,
Все, что я просила,
Мне, наконец,
Судьба моя дала.

Я у тебя
Разлуки не просила!
Так отчего,
Почувствовав тоску,
Мне из души,
Хоть выбилась из силы,
Но выбросить твой образ,
Не могу?!

ЛОДОЧНИК

Ты возьми меия, лодочник, в мир голубой,
Там друг к другу лицом посидим мы с тобой,
Чтобы солнце и иебо, и море цвело,
Чтобы тень иашу ие задевало весло.

Пусть блнстает лишь чаек одиих белизиа,
Пусть ласкает иас моря голубизиа,
Ничего, еслн вдруг захлестиет иас волна,
Ведь с тобою мие буря сама ие страшиа.

Чтобы иам от вражды оказаться вдали,
К одниокому берегу мы подошлн.
Так возьми меия, лодочиик, в мир голубой:
Даже буря, и та мие отрадиа с тобой.

* *
*

Я самым сладким сном
В судьбе своей считаю
Дни наших редких встреч—
Дни общности сердец.
Ведь с первой встречи той
Кольнуло сердце тайно,
И словно я тогда
Проснулась наконец.

Какой порыв тепла,
И сладость сна какая!
Мы с ними сквозь года
Идем одной тропой.
Что—дружба иль любовь—
Я и сама не знаю,
Но в сердце навсегда
Остался образ твой.

Пусть этот сладкий сон
Не оборвут, как чудо,
Пусть буду я в плену
И полночью и днем,
Пусть сердце жжет огонь
Негаснущего чувства,
Пусть догадаться ты
Не сможешь ни о чем.

ПРОЩАНИЕ

Прощай же, моя комната, что сердцу так близка.
Прощайте, вы, следы мои, на белизне песка.
Прощайте, листья теплые,— подобья птичьих стай.
Ты, Балтика — холодная красавица, прощай!

Прощайте, чайки, рядышком бродящие гурьбой.
Прощай, ты, парус, реющий, как чайка, над волной.
Прощай откос, и рощица, спокойная сейчас.
Ведь завтра, хоть не хочется, я покидаю вас.

Когда грядущей осенью сюда я прилечу,
Такими же спокойными увидеть вас хочу,
Чтоб к миру мир причалил бы, стремясь покой сберечь,
Разлукой не печалил бы, а нес бы радость встреч.

Спасибо откровенное я вам сказать должна:
Тоску мою развеяла балтийская волна.
Зов Каспия мне слышится все чаще и сильней,
Я еду к морю юности и нежности моей.

РУСАЛКИ

Вышли позднею ночью русалки из моря,
Увидали в окошке моем огонек,
Удивились:
От радости или от горя
До сих пор еще там человек не прилег?

Им, русалкам,— нырять
И плескаться, как детям,
Им расчесывать волосы, плыть на волне.
И откуда им знать,
Что стихи о рассвете
Этой ночью рождаются
В этом окне.

Вы идите, русалки, к прибою в объятья,
Ваше ложе — волны бирюзовая гладь,
Вам задумчивость строчек моих непонятна,
Да и мне ваших призрачных игр не понять.

Так идите, плывите по вашим дорогам,
Там, где лунной дорожки лежит полоса.
А от света в окошке моем одиноком
Ненароком
У вас разболятся глаза.

ГОЛОС МАТЕРИ

Голос матери,
голос женщины —
самая лучшая песня из тех,
что людям с рожденья завещаны.
К счастью,
к светлому завтра
зовет
голос матери,
материки объял,
преодолел моря,
облетел небосвод
голос матери.
Мать! Какою б она ни была,
белой, черной иль желтой,—
жизнь дарит человеку,
это— древний закон.
Материнство—венец человечества
и начало его испокон.
Разве найдется такая мать,
чтоб улыбку ребенка
променяла на слезы его,
хоть полмира б за это
ей было обещано?!
Иль мгновенье из жизни ребенка
отдала б за бессмертье свое?!
Разве найдется такая мать,
разве найдется такая
женщина?!

Все живое потомство свое
бережет
от беды, от злой маеты.
Из-за гребней столетий
долетает в наш век
колыбельный напев баяты:
«Нас от горя упаси
И от хвори упаси...»
Старых болезней стерлись
следы,
и, как прежде, людей
не уродовать оспе.
Но земле угрожают
рябины-воронки
искалечат лицо ее взрывы,
не какая-то сыпь,—
бомбовые осыпи.
Мир прекрасен.
Храните его от ожогов,
не позвольте, чтоб черные тучи
ясное небо взлохматили.
Шар земной — это наше
пристанище,
это вечное наше гнездовье.
Берегите его,
берегите, матери!
Слово матери укрощает
дикий горный поток,
голос матери пробуждает
страны, где гнет жесток.
Мать, великая мать!
Ты создала
все—
и в прошлом, и в нашем времени.

Плечи мира,
усталые плечи,
освободить ты должна
от груза несчастий—
опасного бремени.
Голоса матерей сегодня,
сливаясь,
разносятся шире и шире.
Знамя мира,
победное знамя,
развевается в мире.

Люди, слушайте—
матери говорят!
Материки отзываются,
весь мир голосами объят.
Раздаются сильней,
чем прежде,
гимны счастью,
гимны надежде.

ТЕРТЕР

Гора от твоего оглохла шума,
К тебе и подступить боится тишь.
О чем же ты шумишь, Тертер, подумай.
Ты без толку грохочешь и гремишь.

Как будто скалы можешь сдвинуть с места,
Иль спас кого-нибудь ты от беды.
Как будто нашим девушкам-невестам
Ты подарил хоть капельку воды!

Нет, никому не нужной красотою
Сверкаешь с недоступной высоты.
Так что же ты гордишься высотою,
Так почему шумишь немолчно ты?

Но вот чем ниже, тем спокойнией струи,
И льнет к тебе, спасителю, земля.
Тебя луга встречают, торжествуя,
Тебя зовут далекие поля.

Вливаясь в грудь степей, томимых жаждой,
Прохладою живительной, Тертер,
Ты людям все нужней с мгновеньем каждым,
Спокойный и медлительный Тертер.

Благое дело ты вершишь без шума,
Врачуешь исхудалые цветы...
Каким высоким можно стать, подумай,
Спустившись с недоступной высоты.

ПЕРО

Пускай оно со мною рядом будет
(Джигиты спят, оружие храня),
Вдруг ночью вдохновенне разбудит,
Огня не пожалеет для меня.
Мне угрожают зимние напасти,
И все же не седеет голова.
Перо—мое спасение и счастье,
Я не расстанусь с ним, пока жива!

Я В ДОЛГУ

Проживи я сотию жизней—ие одну,
все равио перед людьми в долгу иавек.
Подари нм все цветы и всю весну,—
все равио перед людьми в долгу навек.
Доктор, спасшая меия рука,
воздух родины, его живой родиик,
сочиость иежиая родного языка,
мой народ—я вечный ваш должиик.
Я должиа тебе, мой добрый друг,
верности твоей в тяжелый час
и слезе твоих любимых глаз,
камню каждому должна вокруг.
Сколькому и скольким я должиа!
Не хватнло б и щедрот самой весиы...
Помоги же расплатиться мне, весиа,
будто вместе мы с тобой должны.
Смерть моя, еще помедли, ие зови!
Я еще уйти ие смею, я в долгу.
Я вериу земле и людям долг любви.
Я уйти должницей вечной не могу.

ДОКТОР

Не болит моя рана. Я буду здорова скоро.
Я увижу весну и цветы соберу в букет.
Я сумею подняться по тропам в желанные горы
И с вершины опять увижу весь белый свет.
Вновь меня небосвод озарит своей синевою,
И долины еще зеленее покажутся мне.
Исцеливший меня, приезжайте, пойдемте со мною
К небосводу, в долины, к ослепительной нашей весне.
Вам подножье Кяпаза удивительный отдых дарует
И озерные воды Гек-геля покой возвратят.
Если туча обрушит на землю прохладные струи,
Нас шушинские скалы под сводами приютят.
Вы мне жизнь возвратили, а я поднесу вам в подарок
Этот край, разгоняющий светом тоску.
Полыхают цветы. Небосвод ослепительно ярок.
Молодые шушинцы спускаются с гор к роднику.

ИСПОВЕДЬ ПЕРЕД ФИЗУЛИ

1

Во дни моих печалей и невзгод,
Когда на лире струны умолкали,
Я шла к тебе — в давно минувший год,
Я шла к тебе — в таинственные дали.
Хотелось мне побыть наедине
С тобой, устад! В минуту горя злого
Живой воды испить хотелось мне
Из родника немеркнущего Слова.
Ты говорил: терпи, надейся, верь.
Я в сумерках училась ждать рассвета.
И вот в мою затворенную дверь
Врывалась песня утреннего ветра.
И снова ночь. Я говорю с тобой,
С тобой, моим пожизненным кумиром.
И плачу над горящею строкой,
И звездный свет струится вновь над миром.
Святая мука правила людьми...
Мне снова с ними радостно и больно...
Я цепь тобой завещанной любви
Накинула на шею добровольно.
Я у тебя в пожизненном плену,
Навек в твоей благословенной власти.
Как дар, любви терзанья приму —
И что пред ними суетные страсти!..
В твоей строке — великой веры суть,
Достоинства и верности мерило.

Позволь спросить тебя, не обессудь,
Откуда же в тебе такая сила,
Такая беззаветная тоска,
Такое небывалое терпенье,
Когда разлуки тяжкая рука
Душила в горле зреющее пенье?..
Но ты любил... Любовь была тебе
Ничем вовек не заменимой мукой.
И вызовом неласковой судьбе,
И сладостной, и горестной наукой.
Из мук своих, из капель горьких слез,
Из долгого томления бессонниц
Над миром равнодушным ты вознес
Любви великой огненное солнце.
Любовь твоя пережила века,
Любовь предстала вечною вселенной,
И в песне воплощенная тоска
Дошла до нас высокой и нетленной.
Прекрасная избранница твоя
Увяла на ветру весны последней
И канула во мрак небытия,
Истаяла песчинкою бесследной.
Угас очаг—остался свет в очах.
Полет прервался—но осталось небо.
Ты на своих трепещущих крылах
Вознес любовь из сумрачного склепа
Над миром, полным суеты и зла,
Ее своим искусством обессмертил,
Она сердца людские обожгла,
Она прошла туман годов несметных.
Кружился ты безумным мотыльком
Вокруг Любви—негаснущего света,
Чтобы потом, летя своим путем,
Вокруг нее вращалась вся планета.

2

Откуда эта огиеииая боль?
И в чем ее искоииая причииа?
Прожгла строку к отечеству любовь,
И не заменит родииу чужбииа...
Где близкая, родимая душа,
Где теплый дух родимого гнездовья?
Чужие звезды иад тобой кружат,
Душа кричит с тоскою и любовью.
Испила я печаль твою, устад,
Твоей слезою оросила очи.
И вторили усталые уста
Тебе в молчаиье бескоиечиой ночи.
Твой вещий плач о горестиой любви
Служил влюблеииым мира утешеиьем.
Ты ие склоиил высокой головы,
Достоииство избравший отомщеиьем.
Ты предпочел бесславью иищету,
Не тратил честь, как мелкую моиету.
Храия свою святую чистоту,
Великое достоииство поэта.

3

Любви без мук ие представлял Меджиун,
Любовь жива разлукой,— говорил он.
Не страсть одна, а беспощадиый век
Мие обериулся мукой—говорил он.
Ои говорил, любовь сойдет иа иет,
Когда оиа не движима страданьем.
Желаиья иет в слияиии с желаиным,
Лишь мучеиик оставит в мире след.

В глазах Лейли смятение. И вновь
Душа кричит, кричит глухая мука:
—В соедииеиье расцветет любовь!
Зачем любить, отторжеииой от друга?
Будь я сама в судьбе своей вольиа,
Сумей разбить я клетку золотую
И отплатить мучителям сполиа,
Поправшим мою душу молодую,
Вдохиуть всей грудью аромат весиы,
От иег ее чарующих пьяиея,—
Истаяли б терзаиия, как сиы,
И ие было бы счастия полиее...

Тяиулась к солнцу, как цветок, Лейли,
Но был к тебе иещадеи рок, Лейли...
Не жаждала ии роскоши, ии благ,
На миг едииый счастья уповала,
Оиа о воле века забывала,
И вот—мечта затоптаиа во прах.
Хотелось ей, иаивиой и иевииной,
Лишь права быть любимой и любить.
О, как оиа могла тогда забыть,
Что жеищииа считается рабыией?!
Что жеищииа ие личиость, только вещь,
Подвержеииая купле и продаже,
И век стоит тюремщиком на страже,
И ключ в руках властительиых иевежд!

4

Пора уже расстаться нам, устад.
Бледиеет иебо. Ночь идет на убыль.
Редеет свет мерцающих плеяд,
Прощальиый зов мие обжигает губы.

И рдеет на востоке горизонт,
Родные песни начинают утро.
Ты слушаешь в задумчивости мудрой,
В иные времена перенесен.
Иные песни ныне мы поем,
Любовь с мечтою зашагала рядом,
Но, мир окинув мимолетным взглядом,
Мы тень твою за нами узнаем...

5

Неумолим земли седой закон:
Пришедший в мир—однажды мир покинет.
Но солнечный божественный огонь
Твоей Любви великой не погибнет.
Пока идут, сменяясь, времена,
Пока планета плачет и смеется,
Не сгниют золотые семена
Любви! И тлен вовек их не коснется!
Пока бунтует в наших жилах кровь,
Пока трепещет сердце человека,
Жива, жива великая любовь
В мечте, летящей за пределы века.
Пусть весны жизни чередой прошли.
Но, призывая к чести и отваге,
Пылает в любящих сердцах, как факел,
Бессмертная святыня Физули.

ПОДАРИМ ДЕТЯМ МИР

Еще подвержеи грозам, подвержен бедам мнр.
Безоблачным н светлым подарнм детям мнр!
Еще в краях далекнх орудует палач,
Еще несется к небу оснротевшнх плач,
Еще струится где-то пожарищ горькнй дым.
Бездетною планете остаться не дадим!

Сегодняшнне детн—грядущее страны
И завтрашняя слава, н солнечные сны.
Пока есть в мире детн—быть миру молодым,
Бездетною планете остаться не даднм!

Холодиое дыханье иегаданной беды
Порою омрачает цветущие сады,
Взрывается внезапно седая тншнна...
Украденное детство—убитая весна...

О, граждане в пеленках, родные малышн!
О вас все нашн думы, волнення душн.
Не мир опустошенный, испепеленный мнр,
Подарим вам свободный, вечнозеленый мир.

Пусть ждут сынов народы не с гнбельной войны—
С космнческих походов средь звездной тншнны.
Пусть шнре распахнутся земные рубежи,
О, граждане в пеленках, родные малыши!

Подарнм детям небо,
подарим ясный мнр,
И солнечный, н добрый,
навек прекрасный мир!

ВОСЕМЬ ПЯТНАДЦАТЬ

В тяжелом траурном молчанье
склонились люди.
Молчат земля и небо,
молчит безумный ветер.
Мир голову склоняет
перед трагедией,
в которой двести тысяч
мгновенно
превратились в пепел
мир,
у которого раздельны радости,
но горе
одно.
Посланница моей страны,
азербайджанка
в глубоком трауре
склонила вниз лицо.
Никто не видит слез ее,
они
от гнева высохли.
В тот день
росою залитые розы
головки подняли с земли.
Во имя утра
девушки-невесты
с рассветом
вышли из своих домов.

Во нмя солица н весиы
проснулось утро
и заалели горизонты,
во имя солнца и весиы
звучала жизнь.
Мнр расцветал
в надеждах.
Ровио
в восемь пятнадцать
иачалась
трагедия.
Подиялся стон с землн
иа небо.
иа землю
с иеба
рухнул
шквал
огия...
Дышала пламенем земля...
В одио мгновенье
двести тысяч
стали пеплом...
Земля рыдала.
Небеса горелн.
От грохота
ужасиого изобретення иауки
проѕиулась
дремлющая совесть.
Атомная бомба
разрушила
очаг иевнниых...
Превратила их жилища
в руины...

Погибли дети,
старики погибли,
погибло все,
что жило и дышало...
Мир,
изнывающий
в кровавых войнах,
был снова потрясен
ужасным взрывом
атомным...
Немало времени прошло с тех пор,
но каждый год
посланцы всей земли
приходят в Хиросиму
и, преклоняя голову,
молчат
в ту самую минуту,
ровно в восемь
пятнадцать.
Сердце плачет.
Сжимаются от гнева кулаки.
Сплетаются теснее руки,
простых людей
натруженные
руки.
И люди проклинают тьму,
приветствуют рассвет.
В то страшное мгновенье
в их лице
молчат
народы всей земли.

Их грозное молчанье
требует,
чтоб больше
никогда
не повторилась
трагедия,
чью память чтим мы свято,
и чтоб в садах
высокой дружбы
цветы
всегда цвели.

САБИРУ

Гласит отцов почтенных слово:
тот, кто народное оплакивает горе,
тот слепнет.
Нет, почтенные отцы!
Нет, не ослеп тот, кто носил
времен тяжелых ношу,
своих сестер оплакивал несчастных,
кто призывал
поруганное нации величье
поднять из праха,
невежества и тьмы разбить оковы,
кто говорил:
культура,
просвещенье,
школы —
вот наш насущный хлеб! —
такой художник
не ослеп.
Очей его чудесный свет
был светочем
для угнетенных стран Востока,
и жемчуг слез его горячих
оросил
безвременно увядшие цветы отчизны.
Горело сердце
и, как факел, освещало тьму вокруг.
От душераздирающего крика его
проснулась родина...

Из тех камней упрека,
которые в него бросали,
вырос
огромный
вечный памятник.

Теперь,
когда поля покрыло
половодье маков,
когда сияет родина твоя
вся в радостных огнях,
в свободном знамени ее
колышутся
твои мечты.

Тот, кто народное оплакивает горе,
не ослепнет,
нет, почтенные отцы,
не вянут,
орошенные горячими слезами,
родной земли
прекрасные цветы.

СЫН ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

Светлой памяти Назыма Хикмета

Смерть твоя, брат,
так опечалила нас,
так опечалила нас,
что говорить об этом
не поворачивается язык,
не поднимается рука
писать об этом...
И как бы мы
эту тяжесть несли,
от слез обессилев,
если б с нами
народы всей земли
ее не разделили?
Эту мучительную скорбь
каждый
в раненом сердце нес...
И плыл,
как лодка,
твой белый гроб
по океану слез...
Похоронили тебя, поэт,
не на чужбине,
не в ссылке, —
в мире мечты
твоих юных лет,
в городе,

что любил ты...
Народы братьями стали, Хикмет,
у края
твоей могилы —
я видела,
как, над нею склонившись,
плакали
русская девушка,
арабский поэт,
немецкие коммунисты...
Были светлыми,
неугасимыми
мысль твоя
и речь твоя,
ты был человеком,
ты сыном был
великого человечества.
Ты чувствовал боль
раненого животного,
потухшей звезды,
сломанной ветки,
но прежде всего
чувствовал ты
боль человека.
Ты болел душой
за мертвых детей,
ты был опечален
тем, что не может
подняться весна
из-под развалин...
Ты любил
всех хороших людей,
любил солнце
и жизнь.

На сердце твоем
было много рубцов,
но главный —
тоска по отчизне.
Ты сгорел,
как Керем...
Плачут глаза,
в которые смотрел ты с любовью,
плачет
твой маленький сын Мамед,
которого ждал ты
так долго...
Нет тебя.
Но, как прежде, мы
помним тебя
и любим.
Ушел ты
в пределы великой тьмы...
А свет
ты оставил людям.

КУХОННЫЕ СТИХИ

1

Не будь я матерью, женой,
я убежала бы из мира
кастрюль,
половников,
горшков,
из мира кухонной посуды
на ветреный простор морской —
из мира чада
к миру чуда
лежал бы путь передо мной.
У моря,
на высоких скалах,
встречала б я
приход зари,
и ветром свежим и соленым
дышала бы...
О, если б с морем
остались мы наедине,
я б ветру странствий
грудь открыла
и песни грустные свои
за каплей каплю сочиняла
садам цветущим Апшерона...
Ты так мне скучен, мир котлет —
увы, ведь я еще поэт!

2

Одни не любят соли,
другие все солят,

тому — дай помидоры,
а этому — томат.
Тот не выносит лука,
другой не ест супы...
Весь день
готовь, стряпуха,
таков
каприз судьбы.
Тот —
    сел за стол высокий,
другой —
    вари да грей...
Но часто
кухня чище
высоких ассамблей.

3

Когда на сковородке жарят лук,
присматривать за ним необходимо,
иначе может он сгореть,
и в кухне будет
                все черно от дыма.
Пойдет насмарку
вся стряпня...
Но кто за повором присмотрит,
который тоже может
сгореть
у этого огня?
Смотрите же,
смотрите же за луком,
чтоб не сгорел он
на сковороде,
за луком,
придающим вкус еде.

4

Предмет поэзии —
им может быть
цветущий сад
и кухня
с закопчениою посудой...
Искусство
может выбрать наугад:
цветок,
очаг
или горшок с посудой...
Тем поэтических не счесть,
конца им нет,
тогда,
когда на мир
глядит поэт.

5

Я из окошка маленькой кухни
вижу четыре времеии года,
суть лета, зимы,
весны или осеии,
вижу, какая стоит погода.
Весною
на дереве у окна
распускаются почки на ветках,
первая зелень
так нежна,
ветки о чем-то
шепчутся с ветром...
Летом,
гордясь зеленым убором,
стоит мое дерево

во всей красе.
Осенью
ветры лезут к нему за ворот,
дерево желтеет,
тихо сетуя...
Потом приходит зима,
и дерево
стоит совсем раздетое.
Есть что-то жалкое
в наготе его,
и все ж
с этой болью,
с грустью этой
оно победить себя не дает:
борется с ветром,
снегом,
скукою,
чтоб снова встретить
весны приход,
которую ждет
с такою мукою.

6

Если широкое сердце
скажет тебе: стремись,
верь, не умрут надежды
и не затмится мысль...
Если в сердце свет не потухнет,
если ты не в разладе с ним,
и из тесной
            маленькой кухни
можно
      увидеть
                  весь мир.

ПЛАКАЛЬЩИЦЫ

Не плачь так горько, мать,
и не оплакивай
тысячелетнее страданье
арабских халифов
и Фатьмеи-Захру,
ту самую,
которая в песках осталась
с кровавыми слезами
на глазах.
Оставь их, мать,
тебе ли их оплакивать,
те древние трагедии,
что потерялись
на страницах
истории,
и траур
носить по ним,
по тем имамам, что погибли
в междоусобных войнах...
Уж сколько времени прошло,
вас разделяют
столетья, —
так неужели для тебя
они еще не потеряли силу!
Пускай тебя не мучает разлука
Акпера и Лейлы
и горе,
испепелившее Лейлу.

Ты сыновей оплакивай своих,
которые в Отечественную войну
остались на полях сражений,
ты Родину оплакивай —
она
еще не залечила
полученных ранений.
Оплакивай сирот,
невест,
лишившихся любимых женихов,
и матерей,
к которым не вернулись
их сыновья.
А что тебе арабские халифы,
их горести, переживанья их?
Их стон
давно затих.
У всякого страданья
глубокий смысл.
А эти слезы
пустые и бессмысленные —
вытри их!
Не плачь,
взгляни туда —
там горизонт алеет,
сиянье
льется с высоты,
и родина твоя
цветет и хорошеет,
так выйди же скорее
в свои прохладные сады.

СВАДЬБА

Ты, говорят, ревнуешь, мать?
Сын женится, начнет свой путь...
Есть в этом правда, что скрывать,
разлука мне сдавила грудь.

И радость в ней, и ревность в ней,
ведь сын мой рос как часть меня,
и как хотелось мне дожить
до свадьбы радостного дня.

Сегодня свадьба. С сыном в дом
невестка юная вошла.
Желанной гостье кто не рад?
Я так давно ее ждала...

Пусть не война, не смертный бой
нас разлучает в грозный час,
пусть наших сыновей берут
невестки милые от нас.

Чтоб не было войны, разлук,
чтоб реки крови не лились,
пусть будет свадьба, будет пир,
чтоб матерей мечты сбылись.

* *
*

Что ты запаздываешь так,
весна-жеманница?
Тебя давно уж ждут
деревья оголенные,
дрожащие от холода,
от ожидания,
от одиночества тоскуя,
как влюбленные.
Приди,
пройди
своей кокетливою
поступью,
пусть поглотит твои лучи
земля промерзшая,
чтобы деревья на глазах
покрылись почками,
согрелась бы трава,
от инея промокшая.
Нарциссы
радостно поднимут к небу
головы,
в бокале с маками
лучи зажгутся радугой,
пусть с ивы
капельки росы,
как бусы, падают,

пусть улыбаются
ростков уста веселые!
Подай хоть знак,
что близко ты —
лучом иль краскою —
смотри,
неужто стайка этих птиц
обманется?
Смотри,
прихода твоего
все ждут,
как праздника, —
так что ж опаздываешь ты,
весна-жеманница?

КИПАРИС

Чтоб юный кипарис
не надломили ветры,
чтобы наряд его
не запылился,
укутали его,
укрыли ствол и ветки,
и юный кипарис
взмолился:
— Не кутайте меня,
чтоб мог я
свободно встать
перед зарницей,
под проливным дождем
промокнуть,
лучами солнца
опалиться.
Пусть потускнеет
мой наряд зеленый,
пускай продрогну я
от снега,
ведь только так
смогу подняться к небу,
до облака
достать
высокой кроной.
Не кутайте мне ствол,
не накрывайте ветки —
я должен выдержать
дожди и ветры!

ЖУРАВЛЬ

Во сне, ночами, становлюсь я журавлем,
со взмахом крыльев
отрываюсь от земли,
спешу туда,
где между туч летят
мои родные братья —
журавли.
Летим, пока хватает снл,
под нами страны,
горы и моря,
летим
и в сердце бережно храним
желания земные
и мечты —
все лучшее,
что нам дала земля.
Шум наших крыльев
слышен на земле,
она нас ждет,
но мы летим в простор,
роняем перья с высоты,
кочуем
на вершинах гор.
В далекий звездный мир,
мир тишины,
несем мы запахи земли,
мы шум земной
доносим в одиночество луны.

С лучом зари
кончается мой сон.

Я просыпаюсь. Я встаю.
                              Но днем
нет у меня
              ни времени, ни сил
подняться над землей,
стать журавлем.

НЕ МОГУ УСНУТЬ

Над головой моей
все в звездах небо.
Справа море.
Слева —
зеленые сады.
Там птичка до утра поет.
Ей, как и мне,
не спится.
На веранде
Под этим звездным шелковым шатром
Уснули дети мои.
В их ровном и глубоком
дыханье
аромат цветов.
Спят сладко-сладко.
Этой ночью,
весенней и душистой,
как будто все живое
погрузилось
в глубокий сон.
И только мне не спится.
Почему?
Как утомленный путник,
не могу
достичь страны прекрасной —
сна.
Быть может, где-то
сегодня ночью

герой свободы
за решеткой
ждет казни...
Его глаза,
        наполненные жизнью и надеждой,
устремлены
        на алый горизонт
        его отчизны...
Может быть, сегодня ночью
где-то
        в страшных муках
        рожает сына мать.
Она в поту,
а под глазами темные круги,
и на лицо ее
        ложится тень,
которая бывает у людей,
прощающихся с жизнью.
А где-то плачет девушка:
        мать умирает
        от рака...
Как много в мире боли,
как бесконечно человеческое горе!
Пока
      страх атомной войны
                                        живет в умах,
могу ли я
        спокойно спать
        с детьми своими рядом,
на этой
        гроздьями плюща обвитой
                                                веранде?

Если б в мире
кровь
не проливалась понапрасну
и человек
везде дышал свободно,
и все беду встречали б вместе,
как братья,
и вместе посылали
в звездный мир
своих посланцев,
быть может, меньше было бы людей
с неисцелимым горем,
и матери
могли бы спать спокойно по ночам.

* *
*

Не хочу я тишины,
у нее язык немой,
я же все еще живу
с той крылатою мечтой:
я б хотела птицей быть,
вить гнездо себе в листве,
легкой бабочкой летать,
жить в цветах или в траве.
Я б хотела быть волной
в горной речке меж камней,
мчаться с ветром грозовым
над просторами полей.
Я хочу, чтобы меня
жалил холод, стужа жгла,
чтобы молния в горах
в кровь мою
огнем вошла.
Для мечты предела нет,
в ней таится столько сил,
не хочу я тишины,
тишина —
на дне могил.

* *
*

Так спокойно с другом мне,
вы не трогайте меня,
с морем я наедине,
вы не трогайте меня.
Море может грусть прогнать,
излечить тебя от ран,
море любит
свет и мрак,
тишину и ураган.
Подлетит к тебе волна,
как ребенка обовьет,
или вдруг начнет хлестать,
исступленно гнать начнет.
Сотни разных голосов
в нем учусь я различать.
Море точно человек,
кровь у моря горяча.
Вы не трогайте меня,
так спокойно с другом мне.
Вы не трогайте меня,
с морем я наедине.

МЕНЯ МОЕ МОРЕ ЖДЕТ

Не задерживайте меня в пути,
меня мое море ждет,
Волны его,
как серебро,
лик его мягкий, как шелк:
Каждый день меняет наряд,
а порою и каждый час,
бархат — зимой,
а летом, весной —
то кашемир, то атлас.
Бывает сердитое, как человек,
и печальное, точно мир.
Быстро, как время, меняет нрав
и свой меняет лик.
Порой легким веянием любви
поманит сердце, сожжет...
Но вы не задерживайте меня,
меня мое море ждет.
Любимое море,
на тебя
бросает облако тень.
Хоть тело мое
в разлуке с тобой,
но сердце с тобой всякий день.
Открыты мне и гнев, и любовь,
и все, что в твоей груди...
Встречай меня, море,
на берегу:
я буду с тобою, жди.

* *
*

Еще одна осень упала
из календаря моей жизни,
но любовь моя меньше не стала
и тоску, как ношу, тяну:
если б ты был горою,
я бы тебя свалила,
но как мне
самую тонкую
из сердца вырвать
струну?
В мире много сердец красивых,
и лиц красивых много,
много сладких желаний,
и радость глубока.
Но ты один на свете
был сердцу
близким другом, —
если б не ты, быть может,
не держала б перо
рука.
Если б не ты, я знаю,
весна потеряла бы прелесть,
не было б аромата
у листьев и цветов.
Пусть без тебя, любимый,
цветы не цветут и не вянут.
Пусть без тебя не будет
ни жизни моей,
ни стихов.

ХАНСКИЙ ДВОРЕЦ В ШЕКИ

Все комнаты в Ханском дворце обошла я:
Не золото манит, не блеск изумруда,
А мудрость, мечта бесконечно большая
Того, кто возвел среди гор это чудо.

Такие нашел он к орнаментам краски,
Что их и столетья стереть не сумели,
И зданье — поныне как будто из сказки,
Его не коснулись дожди и метели.

Дворец! Что за тайну веками скрывал он?
Быть может, он — символ любви и печали?
Что сердце художника здесь вдохновляло —
Не звезды ли в бездне небес, не луна ли?

Быть может, влюблен был в наряд он весенний
И краски у весен заимствовал смело,
И тихой рассветной порой на цветенье
Шекинских садов долго-долго смотрел он?

Кто знает? Но глаз не могла оторвать я
От красок его, от чудесных узоров.
Вот их мастерам на шелку вышивать бы —
Уверена, с них не сводили бы взоров.

Пусть вспомнят искусство прекрасное это,
Пусть девушек наших простых украшает,
Пусть сердце художника, сердце поэта
Не в камне, а в трепетном шелке сияет.

ВЕЧЕР НА ЧУЖБИНЕ

Называют чужбиною эти места.
Край прекрасный. Но радостно сердце забиться
Здесь не может. Не может парить здесь мечта, —
Ее крылья — что крылья у раненой птицы.

Тропку по морю вдаль проложила луна.
Низко головы к волнам деревья склонили.
Но до них ли? Душа моя грустью полна.
Думы, тяжкие думы меня полонили.

Ни к чему мне красивость чужих берегов,
Ни к чему этот край вдалеке от Отчизны,
Ни к чему роднинковая свежесть цветов,
Ведь без Родины милой — ни счастья, ни жизни!

Тяжело, тяжело здесь вечерней порой,
От чарующих видов к тебе уплываю...
Сладок каждый дымок со стороны родной,
Сладки ветры, что дуют из отчего края.

ЧТО МНЕ ДЕЛАТЬ?

Мой сероглазый, ночи без тебя
Проходят, словно годы, — что мне делать?
Увяли розы ранние, скорбя,
Такая уж порода, — что мне делать?

В слезах иарциссы, от души их жаль,
В глазах фиалок — сииняя печаль,
Гвоздики иеотрывио смотрят вдаль,
Тоскует вся природа, — что мне делать?

Жизиь отступает, замедляет шаг,
Мечтает о любвн, гляднт во мрак.
Терзает грудь себе кровавый мак,
Кругом одна невзгода, — что мие делать?

Пришел бы ты, придумал что-ибудь,
И стебли подвязал, и вникиул в суть.
Все ждет тебя, ио исчезает путь
На кромке иебосвода, — что мие делать?

Цветы больны, нм больше ждать иевмочь.
Разлука длнтся, им иельзя помочь,
Глядит Нигяр, как иаступает иочь,
И снова ждет у входа... Что мие делать?

СЫНУ

Разлука, разлука! Не знаю, как быть...
С вершин каменистых сойди, мой Анар!
Мой мальчик устал по утесам бродить, —
Усни у меня на груди, мой Анар.

Ни ночи, ни дня; ни лучей, ни зарниц;
Тоска все растет и не знает границ;
Взгляни на меня из-под черных ресниц,
Приди, мой Анар, погляди, мой Анар!

Ты там утопаешь в цветах, говорят,
Цветы в моих песнях не хуже горят,
Разлука с тобой меня душит, как яд,
А встреча еще впереди, мой Анар!

Где очи джейрана, где брови дугой?
Друзья за тобой прибегали гурьбой,
Быть может, и сам ты стремишься домой,—
Легко ль вдалеке, рассуди, мой Анар!

Пока же фиалки и маки срывай
И в горных радушных селеньях бывай,
А осень придет в этот радостный край —
Ей путь на яйлаг прегради, мой Анар!

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Все вокруг зеленеет, настала пора,
Чтобы юной невестой блистала гора,
Чтобы сердце в груди трепетало с утра...
Я живу для тебя, я тобою полна,
Погляди, как ликует шалунья-весна!

Я встречала тебя, провожала тебя,
Поджидала, надеясь, тоскуя, скорбя.
Зимний ветер, как вестник, носился, трубя...
Мне порукой — любовь, я любовью полна,
Погляди, как ликует певунья-весна!

Были песни мои неразлучны с тобой,
Овевал меня тихо их теплый прибой,
Если вспомнюсь тебе я в ночи голубой,
Знай, что ты — моя песня, я ею полна...
Погляди, как ликует колдунья-весна!

ЭТО Я...

Газель

На землю брошенный цветок любви и горя — это я.
Сон, умирающий в твоем холодном взоре, — это я.

В разлуке ночь моя прошла, и сердце все в крови к утру.
Я — тьма, что на лице твоем встречала зори, — это я.

О, что я сделала тебе? За что оставлена тобой?
Изливший душу соловей в ночном просторе — это я.

В слезах на путников гляжу — и нет ответа на вопрос.
Мольба пустыни о воде, ладьи о море — это я.

О, как я верила тебе — и ты покинул, ты ушел...
Отшельница, что дни влачит в глухом затворе, — это я.

С дороги не сводя очей, тоскует верная Нигяр,
Спаливший крылья мотылек в немом укоре — это я.

НЕ В СИЛАХ...

Газель

Нет средства против ста смертей: найти ни одного не в силах,
Найти того, кто стал виной недуга моего, не в силах.

Порозовеет небосклон, и воцарится темнота,
Я лампу малую зажечь в дому, где все мертво, не в силах.

Как быть, пленилась я цветком, но тайну этого цветка
Еще никто не разгадал — найти я никого не в силах.

Я вышла ночью поглядеть, как в небе теплятся огни,
Но сердце жжет иной огонь — я здесь найти родство не в силах.

Спросила любящих — они вздохнули горестно в ответ:
Чья рана глубоко внутри, ничто спасти того не в силах.

Жестокосердая любовь сразила бедную Нигяр.
Мой черноглазый бог молчит: помочь и божество не в силах.

* *
*

Вечереет, меркнет, холодает,
Лист упал и в воздухе витает,
Так и наша дружба облетает...
Где ты, отчего ты не пришел?

Было и прошло, как говорится,
Ключ любви поет, звенит, искрится,
Сто других отвергла, как царица...
Где ты, отчего ты не пришел?

Подниму я голову повыше,
Утро будет проще, сердце — тише,
Не вздыхай, я больше не услышу...
Где ты, отчего ты не пришел?

* *
*

На дороге непогодь и слякоть,
Ты ушел — не видно и следа.
Прежде не давал ты сердцу плакать,
А теперь я плачу без стыда.

Мне в разлуке не бывать счастливой,
Выгляжу теперь плакучей ивой,
Что с того, что был ты молчаливый?
Ты ушел — и голосит беда.

Человек понять себя не может,
Слово друга нас порой встревожит,
Для чего мне память сердце гложет?
Ты меня не вспомнишь никогда.

На дороге непогодь и слякоть,
Ты ушел и не придешь сюда.
Прежде не давал ты сердцу плакать,
А теперь я плачу без стыда.

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

И снова светятся небеса,
На фиалках высыпала роса,
Нарциссу нарцисс поглядел в глаза,
В очах гвоздики — счастья слеза,
Рой мотыльков, цветная краса,
Травы поют на все голоса...

Опять зеленеют деревья,
В вышине — журавлей кочевья...
В поле мак загорелся,
В доме очаг загорелся,
На бледном твоем лице
Светлый взор загорелся.
Ты выздоравливал,
Ты возвращался к весне,
К любви,
        к поэзии,
                к новизне.

ОДНО СЛОВО

Не забудет Родина меня,
Я останусь жить под общим кровом, —
Только бы, хоть слово сохраня,
Я могла гордиться этим словом.

«Жизнь» — одно лишь слово; или «смерть»;
Но они всегда нам будут внове.
Победив земную круговерть,
Можно вечно жить в едином слове.

И «свобода» — слово лишь одно,
Но оно не знает в мире равных:
Роковой возлюбленной дано
Поднимать на битву самых славных.

«Родина», «чужбина» — вот слова,
Что в грядущем прозвучат, как ныне.
Разве тот, в ком Родина жива,
Умереть захочет на чужбине?

И любовь... Не позабудь о ней!
Может в этом смысл существованья,
Без нее — ни листьев, ни корней,
Только прах и ветра завыванье.

И еще я мать упомяну,
Перед нею станьте на колени.
Это мать приносит в мир весну,
Окрыляет смену поколений.

Не забудет Родина меня,
Я останусь жить под общим кровом:
Может быть, хоть слово сохраня,
Буду я гордиться этим словом.

* * *

О, когда же печали и беды земли
Улетят и растают, как серый туман?
Унесутся и тихо растают вдали,
Улетят, как седых облаков караван...

В небе свет незакатный — и хлеб на столе,
Радость жизни уже не таится во мгле,
Благородный почин будет целой земле,
Как открытая книга, для чтения дан.

Зори, листья и травы и звон родников...
Мать-земля отдохнет от разора веков,
Поздний вечер не будет тревожно-багров,
Озаряя рубцы затянувшихся ран.

* * *

Хорошо, что верность в мире есть,
Хорошо, что дружба не исчезла.
Этот край метель спешит заместь,
А в ином краю весна воскресла.

Нет, не разучился человек
С ближними и дальними общаться.
Этим жив наш беспокойный век
И земля, уставшая вращаться.

Мир прекрасен тем, что это дом,
Дружба — оправдание планеты.
Да и мы не пали в грязь лицом,
Жили так, чтоб было много света.

Хорошо, что верность в мире есть,
Что любовь из мира не исчезла.
Полземли метель спешит заместь,
А на полземли — весна воскресла.

ЧАСЫ

Как тянутся часы по вечерам!
Как будто это не часы — недели...
Где те часы, подобные ветрам,
Что в юности так мчались, так летели?

Они едва бредут, едва ползут,
Они стоят и топчутся на месте.
А сердце юно. От часов, минут
Оно, как прежде, ждет желанной вести.

Влюбленное, как прежде, в красоту,
Оно еще трепещет в ожиданье:
Что принесет весна? Что на лету
Она мне бросит — счастье ли, страданье?

Я жду зари, жду утренних небес,
Мечта еще скитается по свету...
Жду радости; быть может, жду чудес;
В тумане жду мгновенную комету.

Мечта, как прежде, шире всех широт...
Невзнузданная, шалая, как ветер,
Она еще не по часам живет,
И мир ее непомрачимо светел.

СПИТ РАНЕНЫЙ СОЛДАТ

Прошу вас, тише, тише,
Спит раненый солдат.
Глаза, что сторожили
Отчизну, тихо спят.

Прошу вас, тише, тише,
Он ранен прямо в грудь.
Пусть отдохнет: сегодня
Ему в последний путь.

За тучей месяц скрылся,
Постойте в тишине.
Ведь он еще, должно быть,
Надеется во сне.

Прошел сквозь дым и пламя
И сквозь свинцовый град.
Постойте, помолчите,
Спит раненый солдат.

И вот встает Отчизна
В почетный караул.
Пусть черное наденут,
Уснул солдат, уснул.

ДЖАМИЛЯ

Алжирской патриотке Джамиле
Бухиред, приговоренной к смерти
французскими колониалистами.

Ты мечтала свободным увидеть Алжир.
Говорила, что горе и гнет не навек...
Вот за что у тебя отнимают весь мир,
Джамиля, мой цветок, мой весенний побег.

Сколько весен тебе, Джамиля?
　　　　　　　　Двадцать две.
Эти годы мечтой и любовью живут.
Эти годы, как первые росы в траве.
Полудетские руки берутся за труд.

Ты в оковах.
А этим бы легким рукам
Переписывать набело письма любви,
Косы младшей сестре заплетать по утрам,
Струнам арфы поверить надежды свои...

Плачь, Алжир,
　　　　　　над красавицей-дочерью плачь!
Чтоб бороться она за тебя не могла,
Полудетские руки ломает палач,
Гильотина над нею ножи занесла.

Сочинять втихомолку стихи о любви,
Струны арфы признаниям в лад шевеля, —

Вот, чем были бы счастливы годы твои...
Участь Зои досталась тебе, Джамиля.

Ты, наверно, мечтаешь о нашей стране:
Здесь любить и трудиться легко молодым,
Города подымаются на целине,
Наливается колос зерном золотым.

Ты мечтала, что горе и гнет не навек,
Что Алжир будет счастлив, как наша земля...
Мой весенний цветок, мой весенний побег,
Ты за это должна умереть, Джамиля.

Гнев и горечь сжигают сердца матерей,
Слышен голос от края до края земли:
Остановим скорей,
Остановим скорей.
Остановим, друзья, палачей Джамили!

Твоя юная воля тверда, Джамиля,
Ты не станешь рабой никогда, Джамиля!
Поседевшую голову поднял Восток,
Выпрямляет согбенную спину свою.
Добывать для отчизны свободу в бою.
Это самая праведная из дорог:

Джамиля, ты по этой дороге пошла,
Знают все, что она и в страданьях светла.
Пусть убийца народу мечом не грозит:
Как всегда,
этот меч
палача поразит.

ЖЕНЩИНА

Горой поднималась и морем вскипала,
Царила и правила, землю копала,
И выжженной пустошью где-то была,
И в сумраке проблеском света была,
Была на чужбине безмолвной рабыней,
Годами, веками скиталась в пустыне,
Язык был прикушен и руки в цепях,
И знала душа только слезы и страх.
Краса и утеха седого Востока,
Протяжный напев, материнское око,
Пылала, как факел, и жгла, как пожар,
И таяла свечкой — дымок да угар.
Разлукой была, и не знала свиданья,
Цвела для безвременного увяданья,
Но я Мехсети, чье перо — острие,
Но я Натаван, чье рыданье — твое,
Но я Кемние, я Хаджар удалая,
Я горькая песня, я песня былая.
О, как я хотела от рабства уйти,
О, как бунтовала, рвалась взаперти.
Порой восставала, порой воевала,
Всегда к невозможной свободе взывала.
И я разорвала сплетенье оков
И к счастью ушла из застенка веков.
Когда полыхнули багряные флаги,
Я вновь родилась — для борьбы и отваги.
Под солнечным небом Отчизны своей
Взрастила я добрых и смелых детей.

Смогла я связать в неразрывные звенья
Тепло очага и огонь вдохновенья.
Народ — мои дочери и сыновья,
Сограждане, братья, друзья и семья.

МАЯК

Чтоб не сбивались с курса корабли,
Луч маяка
парит над морем темным.
И с этим светом,
на краю земли,
Матрос себя не чувствует бездомным.
Луч маяка, прямой широкий луч...
Он возвещает
то людское братство,
С которым человек
везде могуч,
В котором наше лучшее богатство.
Луч маяка
в кромешной темноте...
Его под вечер,
в башне исполинской,
Зажгла старуха-мать,
чтоб долетел
К матросу он,
как оклик материнский.
Корабль уходит в море...
Ночь долга.
Шумит волна.
Осенний ветер стонет.
Покрыл туман
крутые берега,
Последний огонек отчизны
тонет...

Корабль — в открытом море...
Но маяк
Горит вдали
светильником надежды.
То сердце материнское,
моряк!
Оно с тобой,
оно с тобой, как прежде!
И пусть над океаном
ночь долга,
И пусть крепчает
с каждым часом ветер.
Опять близки
родные берега,
Когда чернеет башня
в тихом свете.
Когда ж она
теряется вдали
И только ночь
над волнами повиснет, —
Ведет вперед
родные корабли
Неугасимая любовь к отчизне.

ПРИВЕТСТВИЯ

Один, посмотришь, — улыбка сплошная,
когда здоровается.
Другой с намеком, мол, нечто важное знаю,
с тобой здоровается.
Один развязно, будто вечно пьяный,
с тобой здоровается.
Другой лишь легким движением стана
с тобой здоровается.
Один — вот-вот прольется слеза,
всегда здоровается.
Другой — как будто бы прячет глаза,
когда здоровается.
Один, пронзая холодом, словно лед,
с тобой здоровается.
Другой рассеянно лишь кивнет,
когда здоровается.
Один официально с тобой здоровается
и проходит.
Другой печально с тобой здоровается
и проходит.
Один не здоровается с тобой —
повышен в чине.
Другой уж совсем по неведомой
тебе причине.
Один не здоровается,
Если с мужем моим не в ладу...
И часто, когда по улице я иду,

То на мысли одной
постоянно себя ловлю:
Обычные
и простые приветствия я люблю.

ЛЕГЕНДА

Надоели властителю
слишком доступные ласки,
Танцовщицы, певицы,
Шуты, укротители змей.
Силачи надоели ему.
И волшебные сказки.
—Скучно, — молвил владыка,—
Забаву бы нам посмешней. —

И обвел приближенных
тяжелым, неласковым взором.
Полетели гонцы по дорогам подвластной земли.
Всю страну перерыли они,
И во времени скором
Одного человека
с собой во дворец привели.
Смысл искусства его
Все, кто видел,
не сразу постигли.
В пол воткнул человек
необычно большую иглу,
И, начав
Никому не знакомую прежде игру,
Он в большую иглу стал метать
очень мелкие иглы.
С расстоянья,
сто раз он бросал,
И иголки легко

Миновали большую иглу,
пролетев сквозь ушко.

Рассмеялся властитель.
Понравилась эта забава.
Он сказал:
— Наградить мы такое искусство должны.
Мы довольны,
Поскольку потешились ныне на славу.

И велел дать ему
сто монет золотых из казны.
И раздались вокруг голоса:
— Каково мастерство!

А владыка добавил:
— Еще всенародно,
пред всеми,
Дать сто палок ему,
чтоб не тратил он попусту время...

Так-то вот...
Что поделать бедняге,
пенять на кого?!

ДРАГОЦЕННЫЕ КАМНИ

Яхонт, изумруд и бирюза
Чистым светом привлекают нас.
Ослепив и радуя глаза,
Словно солнце, полыхнул алмаз.
Равных нет брильянту,
И рубин
Неизменно верит в свой успех.
Вынутая из морских глубин,
Заявляет: я прекрасней всех
Нежная жемчужина.
Одно
Золото стоит лишь в стороне,
Потому что с древности оно
Часто было поводом к войне...
Хорошо в оправе серебро,
А хрусталь, как россыпь звезд, горит.
Камни, драгоценное добро,
Свой огонь у каждого и вид.
Каждый горд и блеском и ценой,
Спорят камни, кто красивей всех.
Каждый хочет лучшей из утех
Быть под этой древнею луной.
Эй вы, камни!
Жемчуг, изумруд,
Человек являет миру вас.
Это лишь его умелый труд
Сделал вас отрадою для глаз.
От него все ваше торжество,

Он—вершитель,
Он—всего главней.
Знайте, камни, знайте, без него
Нелегки дела и у камней.
Вас, добыв из вечной темноты,
Он на свет выносит,
Жизнь вам дав.
Здесь вы, внемля зову красоты,
Можете явить свой вид и нрав.
Можете снять потом века
Так же, как пылаете сейчас.
Ограняет вас его рука
И облагораживает вас.

НЕ СНЕСТИ

Кто б слез ни проливал,
мне плача не снести.
Кто б ни затосковал,
мне горя не снести.
Будь близок мне, далек,
будь этот или тот,
Страдает ли любовь,
разлука ли гнетет,—
Я не могу снести,
когда нельзя спасти
Жизнь чью-то, чью-то честь,
чужое чье-то имя...
Несчастья всей земли
пусть были бы моими.
Моими!.. А чужой
беды мне не снести.

Ворвется ветер—ветвь
надломлена. Она
Безжизненно висит...
Я с плачущими плачу.
Грусть тяжестей чужих!
Когда бы холодна
Была моя душа,
когда бы я иначе

Воспринимала мир,
меня бы осудил
Мой древний, отчий край...
Земля, о дай мне силы:
Смотреть на боль других
недостает мне сил,
Мне не снести, когда
безвременно могила
Из жизни молодых берет...
Мне не снести,
Когда для них звучит
последнее прости.

Не может человек
счастливым быть, когда
В каком-то уголке
приют нашла беда,
Не может не принять
в себя чужих страданий,
Хоть счастье у него
размером с мирозданье.
Пусть каждый человек
забудет про беду,
Пусть солнце по утрам
его для счастья будит.
Пусть радуется мир,
когда меня не будет,—
Что из того, что я
совсем с земли уйду?

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ТЕПЛОТА

Лыжи мне нужны,
И мороз мне трескучий несносен.
И совсем нет желанья
скользить по зеркальному льду.
И летят мои мысли на юг
от заснеженных сосен.
Берег Каспия манит меня,
от которого я на беду
Далеко.
Нервный ветер Баку,
пронизав мои кости,
Расшумелся во мне.
Уведи, уведи меня, мысль,
Уведи в Черный город.
Я там никакая не гостья.
Парк Нагорный над городом,
дальше—Баиловский мыс.
Вижу нить фонарей,
словно длинные-длинные бусы.
Кто-то к звездному небу ряды их подвесил.
А там—
Вижу Девичью башню,
И грустно отсюда любуюсь
Этой башней, смотрящей вослед
миновавшим векам.
Колыбельная Каспия,
Как без тебя я скучаю...

А друзья, словно чувствуя это,
Подходят ко мне.
Кто-то вспомнил бодрящую крепость
бакинского чая.
Кто-то хвалит весну
светлоокого края огней.
Изумрудный Гёк-Гёль кто-то вспомнил,
Шашлык не забыли.
И тогда о застолье пошло—
куропатки, фазаи...
О застолье радушном,
чем славится Азербайджаи.
Вспомниали
Камней Нефтяиых легендарные были.
Простота баяты
И разящая мудрость Сабира,
Мы припоминали вас.
Задушевно беседа текла.
И мороз отступил.
О своих я печалях забыла.
О сердца человечьи,
как миого в вас скрыто тепла!
На всю жизнь этот вечер
свой след в моем сердце оставил.
Слышу в голосе друга
дыханье родимой земли.
О иарод мой,
Чье имя собой Низами озаглавил,
Под чьим именем подпись
оставил векам Физули!

ЛЕСНЫЕ ПТИЦЫ

О чем это шумят
            лесные птицы?
Кто это всполошил их
                    до весны?
Им надо
          от кого-то защититься?
Неужто их заботы
            так важны?
Готовятся напасть,
            наоборот,
На недруга?
И каждая соседку
Готова перекрыть—
            звенит, поет,
Гремит.
И с ветки прыгает на ветку.
Какие их волнуют интересы?
Они поют о сладости любви
Пред свадьбами?
Но райскими, увы,
Не назовешь
            ни птичью жизнь,
                    ни леса.
Что тут поделать?
Птицы так малы.
Просторно небо,
            но взлети повыше—

И тут же их
        преследуют орлы.
Летать опасно
        под небесной крышей.
На землю сядь,
        отдав орлам высоты,
И клюй...
Но рядом—хищные зверьки.
А сколько бед
        несет с собой охота:
И ружья тут,
        и хитрые силки.
Всего страшись:
        когтей,
                силков,
                        огня...
О чем кричат они порою ранней?
А может быть,
        слетелись на собранье,
Где жизнь их птичья—
        на повестке дня?!

УЕХАЛА

Уехала
и сладкий сон ночей
ты унесла.
Ты уиесла
отрадиые заботы мои,
неразделнмые с тобой.
Тоска моя н боль...
И быстро, и нежданио
Ты расцвела,
Раскрывшись, как цветок.
Ни свод иебес, как прежде, голубой,
Ни зеркало воды
не радуют меня.
И нежности вечерней поющих птиц
Мие сердца не увлечь.
Нн чья-то речь
Не трогает меня,
нн смех.
Лишь лнк дочерний
Стоит передо мной.
А сердце...
Сердце жаждет только встреч
С тобою, дочь моя.
Тоска моя н боль...
В далекую страиу
Свой свет ты увезла,
Свой добрый свет.
И лишь тебя одну
Я вижу.

Все, что знаешь,
            все, что можешь,
И свой веселый нрав,
Мечты свон ты увезла с собой,
            чтоб, всю себя отдав,
Зажечь чудесный свет,
Печальным сделав небо надо мною.
Свет там,
Где жизнь людей
            еще знакома с тьмою.

ОДИНОКИЙ ДОМИК

На горе
стоит одинокий домик.
Двери его и окна
Открыты солнцу и морю.
Он словно из света соткан.
Внизу под горой
покачивается
Тяжелой цепью
прикрепленная к берегу
одинокая лодка.
В доме, где светит солнце из каждого окна
живет семья одна.
Проста и чиста она.
Мать,
как в море впадающая река,
морю, словно сестра, близка.
Старшие дочери
Величавы и прекрасны,
Словно отражения молодых лун.
Младшие
Чуть беспокойны,
чуть-чуть забавны
И озорны,
Как и все, кто юн.
Есть и еще сестра одна,
Как будто нежный цветок она.
Лик ее тонок,
грустен и светел.

Стеснительна,
Словно самая ранняя весна.
Но даже холодный ветер
        коснуться ее не смеет...
Гора.
А внизу под нею
        покачивается
        лодка одна.
На горе
        стоит одинокий домик.
Он издали виден вам.
Двери его и окна
        распахнуты
        солнцу, морю
        и друзьям.

ВОЗВРАЩЕНИЕ С ПОЛЯ

Золотой платок солнца
с притихших полей бахрому
Убирает, склоняясь к закату.
И ветер колеблет
Невесомые кисти лучей, словно стебли.
А в деревне огни
зажигаются в каждом дому.
С поля девушки
дружною певчею стаей
Возвращаются.
Звонко поют и смеются они.
Улыбаются им,
вторя смеху и песням, огни
Их деревни.
Работа сегодня была непростая.
Занимались прополкою хлопка.
И поле, как свадебный стол,
Их руками украшено.
День незаметно прошел.
Окрыленность и радость
лелеющих,
пашущих, живущих,
С затаенным волнением
счастья грядущего ждущих!
Как им радость идет,
Дочерям этой древней земли!
Эти радость и счастье земные
не ищут вдали

От людей.
Не пытайтесь—занятие, правда, пустое!
Эта радость сияет над ними светлее венца.
Вдохновенная радость,
        добытая в поте лица,
Осененная светом,
Одетая в платье простое.
Не украсят наряды
        и золото так никогда.
Вдохновенная радость,
Великая радость труда.

* *
*

Сердце мое земле сродни.
Ощущая дыханье весны,
Пробуждаются в нем
огни
самых первых цветов
и зеленые травы.
Сердце мое, словно земля,
Прячет семя в себе,
согревая.
Если нет на злые ветры управы,
Сердце мое
в ранах кровавых,
Словно земля живая.
Как след от колючей проволоки,
На сердце моем есть раны.
Сердце мое, словно земля,
И израненное
Принесет урожай
поздно или рано.
И в сердце моем есть рана
разлуки,
рана тоски,
ожидания.
И хрупкая по-детски,
Сорванная молнией,
Обожженная веточка
Есть в сердце моем.

Золотые колосья тяжелые головы
Склоняют на грудь мою,
Если в них созревают зерна.
Человек—
Творец дел светлых и черных—
Часто ранит меня.
Сердце мое,
Словно вспаханная земля,
Ждет ветров,
напоенных весной,
И в зной
Приятной прохлады ночной,
И первых лучей рассвета,
Чтобы вспыхнули надо мной.

ИСКУССТВЕННОЕ СЕРДЦЕ

Искусственное сердце, говорят,
Научатся врачи
взамен больного
Вставлять в грудь человека.
С этим новым
Он будет жить.
Все смогут доктора.
Настанет всемогущая пора.
Ведь человек,
Столь ненасытный под небесным кровом
И отвергающий, что мог вчера,
Ни жизнью собственной,
ни счастьем
Не сможет быть доволен до конца...
Заранее прошу,
Любые части
Пусть заменяют.
Только вот сердца...
О, доктор,
Применяй свою науку:
Когда больна рука—
Не жаль мне руку,
Любой мой орган замени,
Хоть мозг...
Больного сердца лишь не тронь, молю.
В нем все, что помню я,
Все, что люблю.

Искусственное будет безучастно
К страданьям, горю
И к людскому счастью.
Лишь об одном просить я не устану:
Пускай нить жизни оборвется вдруг—
Не трогай сердца,
Не меняй, хирург.
Мне дороги на сердце
даже раны.

ПОЭЗИЯ И ЖИЗНЬ

Стихи из сердца улетели прочь,
Как птицы перелетные,
Когда меня дыхание ребенка
к себе позвало.
И всю ночь
Склонялась я над детскою кроваткой.
И стих ушел из сердца моего
так незаметно,
словно бы украдкой...
Ночь тянется.
Вот звезды исчезают,
На небе тая.
В комнату влетая,
Резвится луч.
И вот поток лучей
С окна упал
На детскую кроватку,
Где спит ребенок сладко...
Он открывает карие глаза.
Как чисто и прекрасно
Их выраженье!
Взгляд по-детски ясный...
Смотрю,
И взгляда оторвать нельзя.
Ко мне он тянет пухлые ручонки
И дергает за волосы...
Как стих.
Как песня—пробуждение ребенка.

Чему-то улыбаясь, он притих.
О средоточье радостей моих
И вдохновенья,
Дивная строка—
Ребенок,
    чья мне радость так близка...
И утро необычное такое
Взошло,
На страже встав его покоя,
И колыбель грядущего
Рука
Качает материнская.

ДАСТАН О ТАХИРЕ И ШАХНАБАД

Мой друг,
Пусть этот маленький дастан
Не будет многословным.
О любви он.
Был верности обет однажды дан,
Влюбленным показался он счастливым.
Пусть о любви расскажет мой дастан:
О Шахнабад в нем речь и о Тахире...
Но разные дороги в этом мире
Их разлучили.
Замуж Шахнабад
За старого ученого,
Прельстившись
Богатством и нарядами, пошла.
Она,
с мечтами юности простившись,
Мосты сожгла.
На ней, и вправду, красочный наряд.
На пальцах камни
и в ушах сверкают.
Но все же в тягость ей судьба такая,
И втайне плачет часто Шахнабад...
Тахир ушел на фронт,
В боях был ранен
Не раз.
Потом учился он
И званий
Достиг высоких.

И порой немало
Ему увидеть в жизни довелось.
Коснулась седина его волос.
Со временем он стал и генералом.
Порою он оглянется назад—
И в юности задерживает взгляд.
Военные
И жизненные
Раны
Теперь у генерала не болят.
Добавлю только я в конце дастана:
Болит одна лишь, как и прежде, рана,
Что нанесла когда-то Шахнабад.

ТАРАНЕ ПРИНОСИТ ВЕСНУ

Мороз на окнах ледяной свой сад
Растит.
Земля под белым покрывалом.
Повсюду снег лежит,
　　　　　　　валившим валом.
Сосульки на подолах крыш висят.
Мороз под двадцать
И душой, и телом
Земли владеет.
В комнате тепло.
Но продолженьем зимы—
　　　　　　　　　вся в белом
Больница...
Время медленно текло.
Мы, женщины,
В ухоженной палате
Своей сидели,
Каждая в халате,
Закутавшись,
От жизни в стороне,—
С надеждой жить...
Вдруг входит Таране.
Я вижу дочь к нам в комнату вошла
И, чтоб зима цветов не обожгла,
Нарциссы в целофановом пакете
К груди прижала.
Столько сил в букете,
Что комната наполнилась весной.

Подарок из Баку.
Все до одной,
Мы собрались вкруг дара Апшерона.
И мир надежды,
                    радостный, зеленый,
Коснулся сердца женщины больной.
И царствуя,
            смотрела радость с трона,
На царство возведенная весной.
Она сияла с этой высоты,
Мир с нею рядом стал светлей и шире.
Когда дары распределяли в мире,
На долю женщин выпали цветы.
Их разделив,
Прижали мы к груди.
И не страшны ни холода, ни зимы.
Надежда,
            что нам так необходима,
Весною засияла впереди.

* *
*

Твой взор смотрел мне в сердце.
Ничего
Скрыть не могла я.
В небе моего
Созианья,
Словно молнии, сверкали
Разряды дум твоих.
Ты освещал мне путь.
С тобой дорог мы легких не искали.
Так соткана была, иаверио, суть
Двух иаших матерей.
Жизнь, полная труда,
Текла, как родниковая вода,
Не оставляя по дороге пятен,
И зов судьбы с тобою был мне виятен.
Мы жили,
Опираясь на народ,
Как на гору,
На честь, иа вериость друга
Мы опирались.
Пусть,
        как тропинку вьюга,
Печаль взор застилала...
Кто живет—
Лишь улыбаться попусту готов?
Мы легкие дыханием цветов,
Дыханьем горным иаполиять умели,

И воздух нас отечества лечил.
Как жалок тот,
Кто не увидел цели
За мелочами,
Кто, не тратя сил,
Коптящей лампою на свете жил.
Живущие,
Мечта всегда чиста.
Да будет ясной каждая мечта,
Да будет каждый шаг ваш человечен.
Без этого
любая жизнь пуста.
Ни в мир,
Ни в сердце
не пускайте нечисть.

СЧАСТЛИВОГО ПУТИ

Глядя вслед самолетным громам,
В небеса взлетевшим с земли,
Оставалась я.
И корабли
Провожая в открытое море,
Оставалась я.
Глядя вслед поездам,
Покидающим станцию,
Оставалась я.
Плакала, чувству поддавшись,
Над разлукой,
Над вдаль убегавшим огнем,
И со встречами,
С завтрашним днем
Все надежды связав,
Оставалась я ..

Над планетой
Безбрежен простор
И моря глубоки.
Глядя в мир открытый,
Что видит твой взор?
Травы любишь ты,
Любишь цветы,
И бродить по земле любишь ты.
Любишь бури,
И любишь черты
Лиц суровых и смелых.

На юге
Любишь ты и дожди, и грома.
Но по сердцу тебе и зима,
Завывание северной вьюги.
И весна с белым цветом,
И лето:..
Ну что ж,
Путь счастливый,
Куда ни пойдешь.
И успехов тебе от души
Пожелаю:
Лишь не иссуши
Это море терпенья
В груди моей.
Только кровно с родимым краем
Сердце связанное мое
Вдаль с собой не бери, улетая.

ИМА СУМАК

Ты розе душистой
казалась в саду соловьем.
Ты скалам суровым
напомнила клекот орла.
Ты ланью была,
черноокой царицей степей.
Хрустальною песней звала
за собою ручей.
Для ветра
ты ветвью,
зеленой струною была.
Природа тебе
подарила свои языки:
И голос реки,
и трель птиц,
и пчелиную речь.
Как царственно лес
пробуждался в печали твоей,
Как будто живой.
И вбирал голос твой
Все краски природы,
мелодии древней земли.
Ты славила солнце
И верность хранила ему.
Ты так ненавидела тьму.
Обычаи предков
в твоем пробуждались краю
Под песню твою.

Ты просила у неба дождя,
Когда эту землю
палил изнурительный зной.
Предчувствуя землетрясенье,
ты первая стон
Земной издавала,
И слышен был он.
И как водопад,
свет любви твоей лился.
Звучат
Печали народа
в бесхитростной песне твоей...

Вот к нам ты приехала.
Это ли не волшебство!
Твой голос,
Я слышу его.
Нет, поэзия это сама,
Не голос...
Народный в нем
явственно слышится плач
И нежность.
Ты ранишь
И ты исцеляешь сердца.
И ясно мне все до конца.
Какой ты художник!
Я твой понимаю язык.
Народ понимаю я.
Ведь на любом языке
Всем песня свободы понятна.
Пусть слышат тебя
Везде,
где язык под запретом,
где песня в плену.

В глаза этой песни взгляну—
                и понятна она.
О пусть пробудится
                народ угенетенный от сна.
Пусть всюду наступит весна
                и закончится плен
Для песни плененной,
И стен
Тюремных не станет.
И будет повсюду слышна
Лишь песня свободы...

ДУМА О РОДИНЕ

Когда дней на пять разлучаюсь с Баку,
Мне снится опять
                    мой Каспий
И вдаль уходящая
                    в шапках серебряных рябь,
И волны шуршащие
                    на темно-желтом песке.
В сны входят мои
                    обожженные, словно в печи,
В подпалинах серых, в песках,
                         апшеронские степи.
Расплакалась я б, как младенец,
Которого мать
Оставила вдруг,
                    предоставив себе самому,
От всего, что любимо, свободна.
Я вижу,
               когда остаюсь я одна:
На водном просторе
Стоит одинокая вышка
                    высокой чинарой...
И все-таки я не должна
Впадать в грех отчаянья:
Вскоре
Мы вновь соберемся,
                         и станет нас много.
Трудна
Судьба одинокого,

В радости он или в горе.
Все думаю я
о невесте небес,
о Гёк-Гёле.
В обители сна
расшумелись дубы Аджикенда.
Вот юность моя
Рвет цветы, на яйлаг Хачбулага взойдя.
Есть горы и степи,
луга и цветы у меня,
Охапки сирени...
Я самых богатых богаче.
Я с морем—волна,
В небе—облако.
Пусть я одна
На свет появилась у матери,
Но одинокой
Ни в горе, ни в радости
я не была никогда.
Есть тысячи братьев,
отважных героев труда.
Есть сестры,
которых добрей и заботливей нету.
Земля моя, нефтью пропахшая,
ты подо мной.
И небо просторное, звездное,
ты надо мной.
Пока Каспий бархатный дышит,
не быть мне одной.

Лишенные родины,
В горле воды ни глотка
Отчизны.

Под ними земли ни клочка
Отчизны.
Как тяжко без родины
и без народа им быть,
Без песен, без речи родной,
Ничего не любить...
Как тяжко...
Я сладостной песне свободно внимаю,
Родной моей песне.
Как в жизни бы ни было туго,
Ее на все блага вселенной я не поменяю.
Я даже,
что б ни было,
Мысленно не поменяю
На всю роскошь мира
Улыбку единую друга.

КОГДА ЗАХОЧУ

Когда захочу,
я гору на гору взвалю.
Когда захочу,
стану бурей,
земной шар схвачу
И с ним полечу.
Когда захочу,
из земли поколенья людские
С корнем я вырву.
Мне сила такая дана.
Жестока печаль моя
и беспощадна.
И призраки следом за мною скользят,
И цена
Моих разрушений громадна.
Вчера еще было горой—
Ныне горсткой пшена
Лежит...
Но чуму и холеру
руками науки
я задушила,
Как будто двух змеев.
Дана и такая мне сила.
Я вымела оспу и лихорадку повсюду.
Однако и Хиросимы
свидетель—я...
И покорителям космоса
руки я пожимала.

Ниспровергнув старые,
открывала новые миры.
Наследье былой поры
Перетряхнула я,
Завалы старья...
Атомодыханная,
Революционноголосая,
Свободностремительная,
Двадцатый век—это я.
Хватит смертей и трагедий—
путь им я преграждаю.
И тайна ни одна
не скроется от меня.
И еще
вражду человека к человеку
изжить я должна.

АЙСЕЛЬ МОЯ, АЙСЕЛЬ!

Как песня первая,
Айсель моя, Айсель,
Твой крик раздался
в старом доме нашем!
Дар этой осени.
О, всех плодов ты краше.
Цветок мой нежный,
эта колыбель—
Твой малый мир.
Но ты в другой, не зная
Его, стремишься,
Хрупкая, смешная...
Малютка и красавица моя,
Из малого ты рвешься бытия
В большое.
От повязок и пеленок—
Так связанным не хочется лежать—
Освободив ручонки, ножки,
убежать
Решил, наверно, крохотный ребенок.
Цветок мой нежный,
Маленький цветок,
Знай, бытия закон
суров, коль не жесток.
Живет свободно в этом мире тот,
Кто лишь силен.
Тебя твой жребий ждет.

Ты, повзрослев,
Уверенной ногою
На землю ступишь.
Жизнь и смысл, и цель
Твоя познает.
Чадо дорогое,
Цветок ты мой,
Айсель моя, Айсель!
Цветок мой нежный,
Крохотный цветок.
Пускай наш край,
возросшую на диво,
Приветствует тебя:
Всему придет свой срок.
А нам тебя увидеть бы счастливой...

ДОСТОИНСТВА ЧЕЛОВЕКА

С рожденья человек
          и до своей кончины
Проводит весь свой век
          под знаком медицины.
Болит ли голова,
Болезнь ли мучит тело—
Он, бедный, то и дело
Лекарства пьет.
И так за годом год.
Иной на всякий случай,
Чтоб страх болезни
          в подсознанье снять,
Подряд раз пять
Садится в ванну.
Кто лишь раза три..:
Как знать,
          не поселился ли недуг внутри?
Ведь что ни говори,
А надо,
Чтоб тело было чистым...
Однако я никак не разберусь:
Зачем тогда в себе он носит груз
Чувств бесполезных,
          никому не нужных?
Не мало ли
          быть чистым лишь наружно?
Зачем себя и ясности, и света
Лишает он,

Во тьме страстей живет,
Любовь ли, меч ли выбрав,
Я не знаю?
Недуг духовный—
худшая хвороба.
То мучим гневом,
То снедаем злобой,
Да так, что корчится его утроба.
А грубость, сплетни,
Пересуды, ложь...
И этот острый нож,
Зовут который ревность.
Спесь, лицемерье...
Да всего
Не вспомнить, что преследует его.
Неведомые миру распри, войны...
Я б вырвала из жизни семя зла.
И если бы жил человек достойно,
В родной земле спокойно б я спала.

* *
*

Красив
        золототканный твой наряд.
Ах, осень,
        ты так царственна недаром.
Охваченные пламенем стоят
Леса
        в огне листвы.
И от пожара,
Как искры,
        над землей летят листы.
С деревьев их начесывает ветер
На бархат зеленеющих долин.
Лик солнца над тобой
        печален, светел.
В него нацелен журавлиный клин.
Ты труженица, осень,
        у тебя
Мозолистые руки плодоносны.
Но с севера
        зима несет мороз нам.
Об этом ветер возвестил, трубя.
Она закроет двери на засов
И всюду белый выстелит покров.
А по ущельям прячутся туманы
Сиреневые.
По ночам луна
Украдкой лик покажет,

Смущена,
Глядит—всходить еще как будто рано...
Зима идет.
Но что ее старанья?
И пусть мороз по-зимнему жесток,
Мечты тревожат сердце
и желанья,
Как в дереве
буйтует вешний сок.

ГУЛ МОРЯ

Хочу забыть,
Я все хочу забыть.
Но неотступно слышится гул моря.
Хочу забыть,
Забыть, как отлюбить.
Любовь мою разбитую забыть.
Но неотступно слышится гул моря.
Оно, как и тогда, любви полно,
И сказочно волнуется оно,
И все, что было, помнит
мне на горе.
О море,
Ты начало всех начал.
Ты в этой жизни—первый мой причал.
Я здесь босая по пескам бродила,
Здесь загорала...
Многое здесь было.
И зов любви однажды прозвучал...
Как дышишь ты,
Моей разлуке вторя,
Как мучишься!
Забыть хочу, забыть
Тот сон,
Счастливый самый, может быть.
И вечера,
И светлые утра
Хочу забыть.
Давно забыть пора.
Но неотступно слышится гул моря.

* *
*

Во сне сказала жизни я: прости.
Мир был прекрасен, тяжело—прощанье.
Таков закон—
Конечны все пути.
Приходит старость.
Тщетны все старанья.
Мой друг, проститься с миром тяжело,
Придет ли смерть к нам поздно или рано.
Пусть будет жизнь горька,
Но лгать не стану,
Смерть—большее по мненью смертных зло.
В ней избавленья человек не ищет.
Что остается?
Жить достойней, чище.
Любое долголетие мало.
Оно прекрасно,—
Все же одного
Для жизни недостаточно его.
Жизнь, смыслом освещенная,—
Вот благо.
Все лучшее родной земле, поверь,
Останется.
Жизнь .. Сколько в ней потерь...
Без смысла жизнь—не книга, а бумага.
Взгляни назад—пустые дни горьки.
Ты не вписал в них ни одной строки.
Лишь те из них с тобою не умрут,
Где жизни песню подарил твой труд.

КРИК МЛАДЕНЦА

Тишиною окутан наш дом,
и спокойным спят сном
живущие в нем
обитатели дома.
Сон глубок,
но и чуток
во тьме этой ночи.
Лик зари еще утренней
не позолочен.
Не закончила краткую жизнь
эта ночь.
Вдруг из недр ее темных
возник во всю мочь
Крик младенца,
Крик маленького существа.
Не знаком он с усталостью
и тишиной.
Он на жизнь,
Он на мир
предъявляет права.
Положенье иное
Стремится принять.
И натура его такова,
Что терпенье,
младенцу, ему не знакомо.

Но охотно встают
обитатели дома.
Крик на нервы
не действует здесь
никому.
Разом все просыпается
в этом дому.
Глас ребенка,
для нашего слуха могучий!
Все живое, проснувшись,
стремится к нему.
Это стих самый лучший,
Сорвавшийся с кручи
Новый,
свежести полный поток.
Это солнечный луч,
в мир упавший сквозь тучи.
Это песни грядуего
светлый исток.

НАРЫНГЮЛЬ И НАРДЖАН

Три дня, три ночи
          рвался к небесам
Печальный женский плач,
          беду пророча.
Плач длился на земле
Три дня, три ночи.
Мрак, подступая,
          застилал ей очи
Три дня, три ночи.
Спасенья нет.
И бог всесильный сам
Не помогал ей.
Небо не хотело
Прийти на помощь.
Чахнущее тело,
Как некий груз,
          взвалили на верблюда,
И караван пустился к колдуну.
Пусть он спасет.
Пусть совершает чудо.
Пусть заклинает солнце и луну...
Спасенья нет.
Среди песков пустынн
Сорвался с уст ее последний стон.
И вечный сон
Сковал черты.
Среди песков пустыни
Встал скорбный камень...

Так в твоем начале,
Наш век,
В пустыне караван печали
Исчез.
Бог не пришел на помощь ей.
И Нарынгюль,
Мать пятерых детей,
Мать молодая,
В муках дни влача,
Скончалась без лекарства, без врача...

Вдруг девушки-колхозницы Нарджан
Светила хирургии,
Словно звезды,
Столпились.
Время есть,
Еще не поздно.
Сюда ее довез не караван.
Ее на крыльях родина несла
Из дальнего туркменского села.
Как будто птица малого птенца,
Поднял ее с земли винт вертолета
И перенес из этого сельца
И положил под тенью самолета.
Поднял ее на крыльях самолет.
Курс на Москву,
В столицу курс.
И вот
Над внучкой Нарынгюль,
Кому помочь
Никто не мог,
Чей свет задула ночь,
Как тусклый свет,

Ученые светила
Столпились.
И к Нарджаи вернулись силы,
И день иад нею свет свой распростер.
Не ангелы ли
лики медсестер?

Жизнь спасена.
Бессильны когти смерти.
И свет в девичьем взоре не погас.
В миндалинах ее счастливых глаз
Смеется жизнь.
Чем счастье ии измерьте —
Оно неизмеримо.
Жизнь врачи
Спасли.
Струятся вновь ее лучи.

ЛЯГУШКА И СКОРПИОН

Лес горел.
Полыхали кусты и трава.
И лягушка,
напугана, еле жива,
Добралась до реки
И на берег другой
Переплыть,
от пожара спасаясь, хотела,
Но, увидев почти бездыханное тело
Скорпиона,
Она задержалась.
— Благой,
Видно, случай послал тебя. —
Так скорпион
Обратился к лягушке. —
Спаси, дорогая!
Смерть, лягушка,
Со всех подступает сторон.
Унеси на тот берег.
Погибну...

Другая,
А не эта лягушка,
Его б не спасла.
На беду свою доброю эта была.
— Хорошо, — отвечала, —
Тебя я не кину.

Посадила она скорпиона на спину
И, собрав все силенки свои, поплыла,
Хоть и ноша тяжелою очень была.
Вот и берег другой,
И пора бы проститься.
И сказал скорпион ей:
— Спасибо сестрица.
Хоть и я пред тобой в неоплатном долгу,
Но, увы, не ужалить тебя не могу.

Изумилась лягушка,
Не верит ушам.
— Разве мог ты от смерти избавиться сам?
Я спасла тебя,
Я неносильную ношу,
Я тебя,
не жалея ни жизни, ни сил,
Принесла сюда.
Сам ты об этом просил.
Ведь не мог же ты думать,
Что я тебя сброшу?
— Знаю, знаю, лягушка, —
Ответил ей он. —
Такова уж натура,
ужалить мне надо.
Я погибну, когда не избавлюсь от яда.
Я на этом и том берегу —
скорпион.

КОМАНДИР

О юность, светлый, чистый мир
Неясной девичьей мечты!
Ты снишься мне, мой командир,
Перед глазами, в сердце ты.

Предстань передо мною вновь
На сером вздыбленном коне.
О первая моя любовь,
Очнись во мне! Вернись ко мне!

Мой край, далекий Аджикенд,
Где ветлы в лунном серебре.
Страна преданий и легенд...
Военный лагерь на горе...

И взмахи сабель и стрельба.
Ярятся кони, горячи.
Горниста звонкая труба
И сабель быстрые лучи...

Так учат соколы птенцов
Бросаться грудью на ветра,
Так приучает храбрецов
К боям военная игра.

А девушка, почти дитя,
У придорожных старых ив,
Глаз от него не отводя,
Стоит, дыханье затаив.

Мой командир, ты всех храбрей.
Об этом знала я всегда.
Звенит, поет среди ветвей
С горы летящая вода.

Ты воду пьешь из родника.
Внезапно зашумят кусты:
Девичья смуглая рука
В тебя метнула вдруг цветы.

И скрылась, и помина нет,
И лишь на розовом песке
Босой ноги остался след,
Да смех звенит невдалеке.

* *
*

Тогда я девочкой была,
Но свято помню эти дни.
Чтоб наша жизнь была светла,
От зла отчизну охрани.

Чтоб снова стал у родника
Твой утомленный серый конь,
Чтоб сжала верная рука
Девичью смуглую ладонь.

Я напою тебя водой
Кавказских непокорных рек.
Далекий гордый облик твой
Я в сердце сохраню навек.

ЦВЕТОК, РАСКРЫВШИЙСЯ СРЕДИ РУИН

Стою в раздумье над цветком, раскрывшимся среди руин.
Зачем, наперекор войне, в камнях раскрылся он один?

Здесь домик был, веселый люд в нем песни пел, мужал и рос, —
А ныне обитают в нем то дождь, то ветер, то мороз.

Пришел дикарь — и разорил, разрушил этот милый кров.
Прохожий голову пред ним склоняет, скорбен и суров.

Но вот сквозь камень и металл цветок единственный пророс,
Пробился и зажег в душе неугасающий вопрос.

— Скажи, цветок, — я говорю, — как вырос, как раскрылся ты
Там, где заглох бы и сорняк — не то что нежные цветы?

Давно тут нету мотыльков, и соловьи давно вдали...
Тебя не ранняя ль весна вдруг подняла из-под земли?

— Я голос матери-земли, и силой жизни я велик!
Чтоб смерть и гибель победить, — цветок ответил, — я возник.

БЛАГОСЛОВЛЯЮ ПОДВИГ ТВОЙ

Без слов, без жалоб я тебя
            в далекий провожала путь.
Благословляю подвиг твой —
            отважным будь, героем будь!
Ты должен отстоять в бою
            нас осеняющий рассвет,
Отчизну юную мою, —
            ей равной не было и нет.
Мы никогда и никому
            родной земли не отдадим!
Ты помнишь, в розовом дыму
            подножья гор, весенний Крым
И отпечатки узких ног,
            чуть влажный утренний песок
И где-то, за большой рекой,
            костра пастушьего дымок...
Ты уходил, не видя слез.
            Тогда их не было во мне.
Мне пламень опалил глаза.
            Моя душа была в огне.
Святая наша правота
            мне силы в этот час дала.
К отчизне светлая любовь
            тебя на подвиги вела.
Я знала это... Пусть цветы
            Победы устилают путь...
Солдат, в бою не дрогнешь ты!
            Отважным будь! Героем будь!

В саду сияющей весной
вся в белых звездочках сирень.
С победой ты придешь домой
в весенний долгожданный день.
Тогда прочти в моих глазах,
как долго я тебя ждала.
А ранняя весна в горах
огни пурпурные зажгла.
Пылают маки на ветру,
как сотни маленьких знамен,
И солнце в огненном жару
заполоняет небосклон.
От счастья плача и смеясь,
тебе я протяну цветы.
Мне сердце скажет: в грозный час
был смелым и отважным ты!
О славных подвигах твоих
узнает вся моя страна.
«Он — вдохновение мое!» —
скажу я, гордости полна.

В МОРЕ ДЕВУШКА КУПАЛАСЬ

В море девушка купалась
Дивной, редкой красоты.
Чудо, может быть, ваяло
Тонкие ее черты.

Кудри черною волною
И сиянье синих глаз —
Как поэта вдохновенье,
Как художника экстаз...

Вот она плывет под солнцем
Тихо, лебедю под стать,
Вот нырнула, чтобы сказкой
Предо мной опять предстать.

— Каспий! — говорю я морю. —
Древний мудрый Каспий мой!
Ты гордись вовек отныне
Этой чистой красотой!

К девушке я обращаюсь:
— В жарком пламени боев
Ты врага не допустила
До каспийских берегов!

Он в глазах твоих бездонных
Приговор себе прочел.
По газельим горным тропам
Чужеземец не прошел!

Пусть покрыта гимнастерка
Пылью фронтовых дорог —
Победителя встречая,
Пред тобою Каспий лег.

Смолк тяжелый гул сражений,
Мирные настали дни,
Ты сияла с груди недавно
Перекрестные ремни.

Вся страна тобой гордится —
Мужественной, молодой...
Пыль походов смоет Каспий
Благородною водой.

Как близки родные дали,
Как светлы и хороши!
Вся отчизна отразилась
В ясном зеркале души...

Ты сквозь бури разглядела
Ясный полдень впереди...
Мать в слезах поцеловала
Рану на твоей груди.

Капли крови героини,
Как тюльпаны, расцвели.
Слезы матери родимой
Сладкой болью обожгли...

Пусть всегда перед тобою
Радостью сады цветут,
Пусть всегда тебе во благо
Волны Каспия текут!

ЮБИЛЕЙ НИЗАМИ

В 1941 году в осажденном Ленинграде ученые и писатели Ленинграда провели вечер, посвященный 800-летию великого азербайджанского поэта Низами Гянджеви.

Из газет

Сколько дней уже, сколько ночей
Город в кольцо зажат!
Сколько дней уже, сколько ночей
Глаз не смыкал Ленинград!
В этом
Безводном, безхлебном, бессветном,
В холодном, голодном
Городе этом,
Где спящий и мертвый —
почти что одно,
Чествуют люди сегодня поэта,
Наглухо шторой завесив окно...
Постойте!
Разве такое бывает?
Сон наяву это? Явь ли во сне?..
Все верно:
Портрет Низами прикрывает
Рваную рану на стене.
И докладчик — прозрачный от голода,
Но неистребимо живой —
говорит,

Что вечно творенья поэта молоды
И вечно факел искусства горит!
«Он был гуманистом. Упорство Фархада
Наследникам, нам, завещал в удел,
Бессмертие — сок золотой винограда —
Из грозди искусства он выжать сумел.
Велик был во всем он: и в вере,
и в честности, —
И помыслом каждым остался с людьми...»
Так город-герой, город Ленина
чествовал
Героя поэзии —
Низами.
Все чаще, все ближе ложились снаряды.
И пули летели, и бомбы рвались.
Но славили люди с упорством Фархада
Под ливнем смертельным
Искусство и Жизнь!

ВДАЛИ

Любимый, с тобой мы в разлуке живем,
Но где бы ты ни был, — я в сердце твоем.
Нас дружба с тобою связала навек,
Мой близкий, мой самый родной человек.
Она испытанья прошла до конца,
Не дрогнули полные веры сердца,
И время разрушить любви не могло,
В сердцах наших чувство, как прежде, светло.
Тебя я на фронт провожала — ждала,
С дороги я глаз не спускала — ждала.
В бессонные ночи, тоскуя, любя,
Ждала я хоть малую весть от тебя.
Бывало, мне имя твое назовут —
И дрогнут ресницы, и слезы бегут.
Когда приключалась печаль иль беда,
То вместе с тобою была я всегда.
Я знала, слезу вытирая тайком,
Пусть нет меня рядом — я в сердце твоем.

РАЗЛУКА

Едва мы встретились с тобой,
Уже нам предстоит разлука.
Неотвратимою бедой
Нам наяву грозит разлука.

А мне казалось, нам дано
Дыханье навсегда одно.
Смолк соловей, в саду темно.
И впереди лежит разлука.

Скажи мне, кто отнял у нас
Возможность встречи в добрый час,
По чьей вине грустит твой саз
И горе нам сулит разлука?

И мне весны ушедшей жаль.
Нас ветер звал в степную даль,
В садах прибрежных цвел миндаль, —
Его испепелит разлука.

Растают горные снега,
И наша клятва — на века!
Хоть боль разлуки велика,
Любви не победит разлука.

МОРЕ

Мы в чем-то схожи — я и ты.
Мой разум не запятнан ложью.
Порывы чувства и мечты,
О море, на тебя похожи.

И так же жизнь твоя бурна...
Стремится к берегу волна,
То вдруг наступит тишина,
И ветер глади не тревожит.

Грохочет буря. Гневен, смел,
Вал белой пеной закипел, —
Твоим порывам есть предел,
Ты преступить его не можешь.

Природы мудрая рука
Для волн воздвигла берега,
В преграду волны бьют века,
Но берегов не уничтожат.

Тебе не разорвать цепей...
Предела нет мечте моей.
Любовь все шире и сильней,
Ничто ее сдержать не может!

ОДА ВОДЕ

Ты — чудо из чудес, вода,
Волшебница-вода,
Преображающая нас,
Всесильная вода!
Когда приходишь ты в сады,
Они щедры всегда,
Пустыне ты приносишь жизнь, —
Поклон тебе, вода!
Ты остудить способна вмиг
Горячие сердца,
Несметным подвигам твоим,
Я знаю, нет конца.
Ты даришь селам, городам
И молодость и свет,
На самой сказочной земле
Тебя красивей — нет.
Великолепная вода,
Великая вода,
Ты нам нужна во все года,
Заветная вода!
Всех океанов, рек, морей
Краса и сила — ты,
Живое зеркало земной
Извечной красоты!
И лишь тогда ты не нужна,
Открыто я скажу,
Когда в рассказах и стихах
Тебя я нахожу...

ГОЛОСА ПТИЦ

Птицы-певуньи, рассвета предвестницы,
Рано вы стали разыгрывать трели!
То ль вы посланцы весны-расчудесницы,
То ль от душистых цветов захмелели?

На небе борется зорька со тьмой еще,
Жизнь просыпается, солнце любя;
Росами — жемчугом дорогостоящим —
Вы освежаете, птицы, себя.

Ярко просторы цветами украшены,
Любо на эту смотреть благодать.
Мне, увлеченной запевками вашими,
Так хорошо о судьбе помечтать!

Милые сердцу, пичужки-чудесницы,
Ваши волнуют меня голоса;
Вот бы всегда оглашали вы песнями
Эти вершины, поля и леса!

* * *

Врач говорит, что вреден чувств прибой —
Любовь, печаль, надежды, откровенье..:
Подруги, к роднику идущие гурьбой,
Возьмите заодио мое вы вдохиовенье!

Теиистым ивам передайте вы,
Что иавещу их завтра непремеино
И иа зелеиом коврике травы
Пред старым дубом преклоню колено.

Врач в горы уходить мне запретил,
Дорога эта, мол, не для больиого...
А мне любой клочок отчизиы мил,
И ветерку одно твержу я слово:

Осилит старость, стану ли слаба —
Рейхаи иайди мне, обыскав просторы,
И коль в долиие жить велит судьба —
Мечты мои, да возиесетесь в горы!

РОДНИК

Студеный ключ, веселый ключ,
К моей груди прильни сейчас,
Ты беззаботен, ты певуч —
В лесу не скроешься от нас!
Прохлада бродит по лесам,
И в нестерпимый летний зной
Прохожего ты манишь сам
Девичьей свежестью сквозной.
Не убежишь ты от меня,
Склоненной над твоей водой.
Спеши, спеши ко мне, звеня,
Неотразимо-молодой!
Студеный ключ, веселый ключ,
К моей груди прильни, певуч!

ЦВЕТЫ

Цветы, взлелеянные мной,
Тускнеет ваш наряд,
Прощайте, нежные друзья,
Весенние цветы!
Вас что ни утро целовал
Мой восхищенный взгляд,
Вы создавали мне букет
Завидной красоты.

Пусть потеряет и любовь
Дар слова иногда—
Язык цветов и песни птиц
Дарит природа нам,
Не представляет для нее
Малейшего труда
Свое хозяйство подобрать
По звукам и тонам.

Фиалок озорной народ,
Нарцисс—мой желтый друг,
И ты, рейхан,
не позабыть,
Возлюбленные, вас;
Не забывайте и меня,—
Ни глаз моих, ни рук,—
И вашу верность воспоет
Неутомимый саз.

Пусть девушки из вас плетут
Нарядные венки,
И пусть незримо пролетят
Над вами ветерки,—
Я верю, что на грудь мою,
Желанны и легки,
Слетятся с четырех сторон
Живые лепестки!

АКТРИСА

На крылах любви благословенных,
Мнится, вознеслась она незримо
И неслышно над планетой реет.
Любит?.. Мало этого—любима!
Голову ей кружит хмель веселый,
Сердцу все поется и поется.
Ведь она сегодня полюбила
Славного героя, полководца.
А душа теряется в догадках,
Нет покоя ей, как говорится:
Где находится ее желанный,
Самый ласковый на свете рыцарь?
Может, он с грозой ведет сраженье,
Саблю-молнию на землю руша;
Может, горы яростно швыряет,
Топит зло и смертью тешит душу?..

Трубы возвещают о победе,
Рыцарь возвращается со славой,
Золотыми латами сверкая,
Едет, словно солнце, величавый.
По земле он проезжает грешной,
Будто посетил чертоги рая.
А к нему ползут коварства змеи,
От которых нежность умирает.
Он вступает во дворец невесты,
Он ступает по шипящим гадам,
И любви высокие чертоги,
Кажутся уже зловещим адом.

Суженый исполиен благородства —
Девушка ревиует н томится,
Ишет мрак в заветиом свете правды,
Бьется, словно раненая птица.
И проходят днн, проходят ночи,
Незапятнанные, как святыни:
То оиа—божествеиное диво,
То пред иим—бессильиая рабыня,
Вот оиа уже иа смертном ложе,
В зале слышеи трепет вдохиовеиный....

Заиавес.
Усталая актрнса
В комиатку уходит, что за сцеиой,
Долго в зеркало она глядится,
На свое взирает отражеиье,
Что хранит следы чужих любовей,
Радостей, чужого поражеиья.
Трудио ей с чужнм расстаться горем,
С собствеиным твореньем распрощаться...

А уже доиосится из зала
Долгождаииый ураган оваций.

То оиа Франгиз, то Дездемоиа,—
Где найдешь удел еще капризией!
В ией—немало человечьих судеб.
Миожество разиообразиых жизией.
Ловко грим сиимает чародейка,
Улыбается в избытке чувства,—

Виовь она измерила сегодия
Силу сокровеииого искусства.

Нет прекрасией радости иа свете,
Чем раздумья творческие эти!

КУРДИАНКА

Курдианка поднесла мне
Ковш водицы ключевой.
Тот судьбы на мечен камнем,
Кто не пил воды такой!

Словно вылита из бронзы
Чудо-девушка, гляди,
И коса оттенка солнца
Пробегает по груди.

Ты лучишься, будто цветик,
Что на горной крутизне.
Множество парней на свете
Обожглось в твоем огне.

Исти-Су, не знаю точно—
Животворен ли родник,
Или ты сама—источник,
Что передо мной возник?

У ГЛОБУСА

В день недавнего рожденья дочке
Подарил отец заветный глобус:
Словно маки, загорелись щечки,
Радость детскую сменила робость.

—Погляди,—сказал отец,—на страны,
Все они—как близкие соседи:
Реки образуют океаны,
Горы спят, как дикие медведи...

—Замечательная штука—глобус!—
Говорит мне доченька, ликуя,—
Погулять по свету хорошо бы,
Жизнь увидеть всякую такую...

Нет предела детскому маршруту,
У детей терпенья очень мало...
Пальчиком водя, в одну минуту
Шар земной шалунья облетала.

Через все моря переправлялась,
Желтые пустыни навестила,
На вершины гор легко взбиралась,
На далеком севере гостила...

Доченька, мечты твои прекрасны—
Жить со всеми в дружбе на планете,
Только жаль, еще не все согласны
С тем, что понимают даже дети!

Верь, дочурка, сгинут злые люди,
Все народы вступят в наше братство;
Вот когда ты комсомолкой будешь—
Ты во всем сумеешь разобраться.

И не станет на земле печали,
И тебе, как дочери свободы,
Из любой, из самой дальней дали
Улыбнутся радостно народы.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕВОДЫ БОРИСА ДУБРОВИНА

ПЕРЕВОДЫ ВЛАДИМИРА КАФАРОВА

ПЕРЕВОДЫ ТАТЬЯНЫ МАКАРОВОЙ

ПЕРЕВОДЫ СИЯВУША МАМЕДЗАДЕ

ПЕРЕВОДЫ МУЗЫ ПАВЛОВОЙ

ПЕРЕВОДЫ МИХАИЛА ПЕТРАКОВА

ПЕРЕВОДЫ ВЛАДИМИРА ПОРТНОВА

ПЕРЕВОДЫ ВАЛЕНТИНА ПРОТАЛИНА

ПЕРЕВОДЫ МИХАИЛА СВЕТЛОВА

ПЕРЕВОД СВЕТЛАНЫ СОЛОЖЕНКИНОЙ

ПЕРЕВОДЫ ТАТЬЯНЫ СТРЕШНЕВОЙ

ПЕРЕВОДЫ МАРКА ШЕХТЕРА

2 —13

Рафибейли Н.

Р 266 Радость встречи. Стихи. Пер. с азерб. Б., Язычы, 1981.

193 с.

Видная азербайджанская советская поэтесса Нигяр Рафибейли — автор многих сборников стихов, изданных на азербайджанском и русском языках.

Поэзия Н. Рафибейли пронизана тонким лиризмом, глубокой любовью к Родине, к человеку-труженику, человеку-творцу.

Стихотворения, составившие настоящий сборник, написаны в разные годы. Представлены они в переводах таких мастеров русского поэтического слова, как М. Светлов, П. Антокольский, М. Алигер и другие.

Р $\frac{70403-36}{М-656-81}$ 87—79 С(Аз)2

Редактор *Э. Шарифов.*
Художник *Г. Абдуллаев.*
Художественный редактор *Б. Касумов.*
Технический редактор *В Плиткина.*
Корректор *Н. Шамшура.*

ИБ № 117

Сдано в набор 13/IV-1981 г. Подписано к печати 21/IV-1981 г. Литературная гарнитура. Высокая печать. Формат бумаги $70 \times 90^1/_{32}$. Бумага № 1. Физ. п. л. 6,125. Услови. п. л. 7,17. Учетн.-изд. л. 5,72. Заказ № 192. Тираж 3000. Цена 70 коп.

Государственный комитет Азербайджанской ССР
по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли.
Издательство „Язычы", 370088. Баку, пр. Кирова, 18.
Типография „Красный Восток".
370000. Баку, ул. Ази Асланова, 80.

Рәфибәјли Никар Худадат гызы
КӨРҮШ СЕВИНЧИ
(ше'рләр)
Јазычы—Бакы—1981

70 коп